

ВИСКИ САУЭР

Рэжысёр Кочарян

18+

содержит
нецензурную
б***ь

Ч Т И В О

Размик Кочарян

Виски сауэр

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72406426

Кочарян Размик. Виски сауэр: Чтиво; Санкт-Петербург; 2025

ISBN 9785605350361

Аннотация

СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРКОТИЧЕСКИХ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ, УПОТРЕБЛЕНИЕ КОТОРЫХ ОПАСНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

«Виски сауэр» – инструкция по применению внутрь: Патриков, алкоголя, женского внимания, мужских эмоций, историй в стиле стендап, бесед с бомжами и богачами. Саргис живёт в спальном районе и каждый день оказывается на Патриках как на работе. Разговоры у туалета, за барной стойкой, в чужой квартире, на поле для гольфа, на уличной скамейке. Люди меняются как в калейдоскопе.

Тон книги – тон выпившего друга: искренний, грустный, рефлексивный, свой. Градус актуальности и узнаваемости высок, ведь «Виски сауэр» не о вечном, а о хрупком, бытовом, близком. Для тех, кто прислушивается к себе и другим людям, любит хороший рассказ и точность попадания в суть. Тех, кому

наскучило «нормальное» и кто хотя бы раз пил алкоголь на последние – просто для того, чтобы остаться собой.

Издатели книги не пропагандируют табак, алкоголь, наркотики и насилие, не всегда разделяют увлечения героев и призывают читателей к здоровому образу жизни.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	6
Состав	7
Люди с сомнительными историями	7
Художественные художники	23
Директора	40
Рыбаки, охотники и все остальные	54
Женщины	70
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Размик Кочарян

Виски сауэр

* * *

Пролог

Слишком чистые. От них, должно быть, не пахнет людьми. С них течёт оливковое масло и капают остатки молочной ванны. Резервуар, где варится что-то чужеродное для этих мест. Патриаршие пруды. Последние полгода я снижаю статус заведений в этом районе своим присутствием. Я такой же чужеродный в этом месте, как это место чужеродно для моего города.

Люди, разбогатевшие в девяностые, предпочитают называть рестораны объектами. В объектах белые скатерти тянутся к полу и на сцене хрипит грузинский певец. На Патриарших хрипят только залётные бомжи. И скатерти иронично лоснятся в одной лишь «Мари Ванна», где на входе вас встретит человек в спортивном костюме. Люди, разбогатевшие в девяностые, не любят Патриаршие. Здесь нет объектов.

Я не разбогател в девяностые, потому что тогда я только родился. В нулевые ничего не исправил, занят был учёбой в школе. Я не стал богаче в десятые, потому как отвлекался на универ. Будут двадцатые, и я знаю, что не разбогатею и в них. Бедность – черта характера.

Последние полгода я пью алкоголь по шестьсот пятьдесят рублей за стакан, потому что я бедняк, у которого есть деньги.

Состав

Люди с сомнительными историями

Там, где горы, ручьи и церкви, – там моя родина. И там принято, что младший сын живёт с родителями. Я съехал, когда мне исполнилось двадцать три. По армянским меркам – я бунтарь. По московским – видимо, нахлебник. Но мой робкий бунт оказался успешным настолько, насколько может быть успешным бунт.

Теперь у меня затекает спина. Кровать придавливает к потолку. И я лежу уже три часа. За это время я дважды обоссал стульчак, потому что имел такую возможность. Я буду и дальше делать это, ведь это нужно делать.

Обоссанный стульчак – необходимый символ. Теперь я один.

Теперь я делаю снежного ангела на сырой простыне. И с кровати падают липкие салфетки, жирные пакеты от чипсов, коробка из-под пиццы. Там ещё есть чем перекусить. Я беру иссохший кусок теста, покрытый вялыми помидорами, и прохожу к столу. Господи, как это может нравиться?

Как же мне это нравится.

Чтобы пить на Патриках, сначала нужно пить дома. Чтобы пить дома, нужно зайти в «Красное и белое».

По задумке создателя магазина, речь в его названии идёт о вине. Некий баланс между каберне совиньон и шардоне, который хмельные работяги в спальных районах находят в напитках с не менее красивыми названиями: «Журавли», «Жигули», «Жаворонки».

Сейчас я открываю дверь. И она говорит:

– Извините.

Она говорит, что просто хотела помыть пол. Ей за шестьдесят. Это моя соседка, и я не знаю, как её зовут, но кое-что мне уже известно.

Я знаю, что её каштановое каре когда-то росло на другой голове. Теперь оно тут, накрывает женщину с мятым лицом, помешанную на чистоте. Это дешёвый парик, потому что волосы вставлены в сетку по линиям и делят её голову, да и в целом всё тело, на две равные части: правую и левую. Так не бывает. В природе всё хаотично. Всё, кроме её распорядка дня.

Я знаю, что каждый день в 10:00 она выкидывает мусор. Знаю это, потому что моя дверь находится прямо напротив мусоропровода. Каждый день в 10:00 я слышу, как с грохотом откидывается засаленная крышка. Потом пакет с мусо-

ром скользит по трубе. Потом крышка с грохотом закрывается.

Я знаю ещё кое-что. Когда ты выходишь из квартиры в 17:00, тебя встречает резкий запах хлорки. И бордовый кафель, покрытый тонким слоем влаги, бликует под тусклой лампой. Эта женщина не пропускает ни дня.

Я открываю дверь, и она говорит:

– Извините, я просто хотела помыть пол.

Мне давно есть что ей сказать, но сегодня не тот день. Сегодня я смотрю на её правую часть, смотрю на левую, улыбаюсь и ухожу.

* * *

Чтобы пить на Патриках, сначала нужно пить дома. Потом надо проехать семь станций с одной пересадкой и не обоссаться. Это не так просто, потому что дома нужно пить много.

Меня хватает до «Маяковской». Там я понимаю, что не вытерплю, и выхожу. Иду вдоль Садового. Каждый год московские тротуары становятся шире, допустим, чтобы пешеходам было где погулять.

Теперь я совсем не прогулочным шагом иду по широченной дороге вдоль пятничной пробки. Иду тревожно, потому что шёл здесь не раз. На подступах к Патрикам со стороны «Маяковской» в меня часто метят люди с сомнительными

историями, и я ни разу не смог от них увернуться. И мимо пройти не смог, потому как исчерпал весь свой бунтарский дух, когда съехал от родителей.

Мне навстречу быстрым шагом несутся здоровый лысый мужик с большим носом и шестнадцатилетняя девочка с носом средних размеров. Они целятся в меня. Допустим, тротуары становятся шире, чтобы теперь у меня было пространство для манёвра.

– Брат, подожди! Брат! Брат, ты грузин?

Всё ещё недостаточно широко.

– Армянин.

– Армянин, слава богу! Генацвале¹, у меня брата менты поймали, только что. Денег нет! Мы идём туда, помоги, пожалуйста, нужно две тысячи, очень прошу, очень. Ахпер², выручи!

Его глаза на мокром месте. Там, где горы, ручьи и церкви, – там его родина. И там не принято, чтобы мужчина плакал. Но мужчины плачут, несмотря на количество и высоту гор на их родине. И сейчас этот здоровенный лысый грузин с большим носом плачет на глазах у своей дочери с носом средних размеров и просит у меня две тысячи рублей.

– У меня нет наличных.

---

¹ «Генацвале» – это особое грузинское слово, которое сложно перевести. Означает «дорогой друг», «моя радость» и в то же время передаёт глубокие чувства: искреннюю заботу, готовность отдать себя за другого, любовь и преданность. – *Здесь и далее прим. ред.*

² «Ахпер» – брат (*арм.*).

У меня есть наличные.

– Нино, у тебя есть карточка? У Нино есть карточка, брат, ахпер, прошу, помоги! Мамой клянусь, помоги!

Съехать теперь не выйдет, ахпер. Он поклялся мамой, у Нино есть карточка, а у меня нет отмазки. Есть ли у меня желание ему помогать? Не знаю, но точно есть желание поссать. Я оканчивал экономический универ и кое-что знаю про пирамиду Маслоу. Не помню, какой там именно порядок, но желание поссать точно стоит ближе к основанию, чем желание проявить сомнительный жест альтруизма.

Чтобы пить на Патриках, нужно проехать семь станций с одной пересадкой и не обоссаться. Чтобы не обоссаться, нужно перевести Нино две тысячи рублей. И я перевожу. Быстрее было бы дать наличные, но будет как-то некрасиво.

Здоровенный грузин вскидывает руки вверх и благодарит Бога. Потом он благодарит меня. Именно в такой последовательности. Это слегка меня задевает, но потом он хватает меня длинными руками и прижимает к себе. Он целует мою шею и плачет. Именно в такой последовательности. Там, где его родина, мужики целуют друг друга в шею, но они не плачут. По крайней мере не на глазах у своей дочери.

Нино робко говорит мне спасибо. Её отец говорит, что Бог сделает мне сюрприз. Он говорит:

– Бог обязательно сделает тебе сюрприз в ближайшее время. Вот увидишь.

И я ухожу. Быстрым шагом. Ищу кафешку. Добегаю. Ка-

фешка напоминает объект. На входе охранник.

– Туалет только для посетителей.

Вспоминаю, что в запасе у меня есть один сюрприз от Бога. Готов ли я потратить обещанный сюрприз на эту ситуацию? Определённо, будет приятным сюрпризом, если я смогу с ним договориться. Нужно что-то сказать. Нужно спровоцировать сюрприз. Нужно пройти мимо него. Чтобы пить на Патриках... нужно что-то сказать.

– Ну пусти ты поссать, мужик!

Сработало. Это мой сюрприз от Бога или я просто нашёл общий язык с охранником? Сюрприз от Бога. Похоже на какую-то сделку. Раз уж я помог, мне полагается подгон. Похоже на то, что грузин верит в баланс. Так не бывает. В природе всё хаотично. Всё, кроме распорядка дня моей соседки, кроме её парика. Всё, кроме «Красного и белого».

* * *

Чтобы пить на Патриках, нужно проехать семь станций с одной пересадкой и не обоссаться. Потом нужно отдать шестьсот пятьдесят рублей бармену и получить свой коктейль. Смесь лимонного сока, сахарного сиропа, яичного белка и американского бурбона – мой сбалансированный виски сауэр.

Стою со стаканом возле бара «Пинч» на Палашёвском переулке. Вокруг помпезные дома, люди разодетые, но теперь

меня волнует только тот грузин. У его брата серьёзные проблемы с ментами, которые можно решить с помощью моих двух тысяч рублей.

Кажется, меня наебали.

Это не очень приятно осознавать, но у меня немалый опыт в этом вопросе. Нужно просто найти компромиссы.

Во-первых, если я прав, то я наблюдал первоклассную актёрскую игру. Этот мужик уже со слезами ко мне подошёл. Он вскидывал руки к небесам, целовал мою шею. Давай так: я заплатил две тысячи рублей за небольшой спектакль мхатовского уровня. Кажется, примерно столько это и стоит. В это я могу поверить.

Во-вторых, этот грузин плакал при своей дочери, и если я прав и нет у него никакого брата, то деньги эти явно были ему нужны. Неважно, на что. Важно, что я и в это могу поверить.

В-третьих, мне обещали сюрприз от Бога. Но я скорее поверю в Бога, чем в его сюрприз.

Теперь я замечаю возле ресторана «Шибя», что напротив «Пинча», бомжа с неприлично счастливым лицом. Бомжи без повода с таким лицом не ходят, поэтому я слежу за ним. Что-то вот-вот должно проясниться, и не хотелось бы это упустить. Из «Шибя» выходит официант и отдаёт ему упаковку доширака, от которой идёт пар. Бомж накрывает её крышкой и плывёт по тротуару в сторону парка. Он замечает мой заинтересованный взгляд и не упускает возможности

попросить мелочь. Я думаю, что у него и так неплохо складывается вечер, и отказываю.

Он уплыл и скрылся за горизонтом.

И мне стало противно от своей непоследовательности. Только что я зажал мелочь бомжу, руководствуясь только тем, чтобы блюсти баланс в его жизни.

Нужен ещё один компромисс.

Пускай это будет не из-за баланса. Пускай я так сделал, потому что в какой-то момент в моей голове непроизвольно возник фонд помощи нуждающимся, и я в тот же миг решил, что грузин его на сегодня исчерпал. Я тут ни при чём. И баланс тут совсем ни при чём.

Неубедительно. Со странной обидой я возвращаюсь в «Пинч» и заказываю ещё выпить.

– Я угощаю.

Вот так сюрприз. Женщина лет за тридцать сказала, что угостит меня. Женщине не далеко за тридцать, в женщине не больше пятидесяти килограммов. Женщина, которую я бы и сам не отказался угостить. Она протягивает мне руку и говорит:

– Алина.

Вот так сюрприз.

Не держи на меня зла, Алина, но не сегодня. Я тут и без того накосячил с этим бомжом, и теперь мне так не хотелось бы, чтобы тот грузин сдержал обещание. Ты правда была бы божественным сюрпризом, но так не должно быть.

Я отказываюсь от угощения и ухожу.

* * *

Продуваемый подземными ветрами, топчусь на эскалаторе. Он везёт меня вверх, в московскую свежесть, а позади – там совсем другие ароматы. И он говорит:

– Уважаемый, я не алкоголик.

Он ждёт, пока я повернусь. Мне бы сделать вид, что не слышу. Мне бы по ступеням наверх, но я лестницы терпеть не могу. И он говорит:

– Уважаемый, я вас очень прошу выслушать меня.

У этих воспитанных мужчин из метро через раз попадают занятные истории. Главное – вникнуть. Набираю побольше воздуха.

– Уважаемый, я не алкоголик. Пожалуйста, выслушайте меня.

Спускаюсь на ступень ниже, встаю рядом. Раз уж я взялся его слушать, не хотелось бы, чтобы он врал.

– Ты пахнешь как алкоголик.

– Ну я выпил, но я не алкоголик. Посмотри на мою одежду. У меня же нормальная одежда. Посмотри. Видишь?

Сначала я опускаю взгляд. По обуви легче всего понять, сколько дней человек ночевал на улице – примерно три дня. Потом понимаю, что веду себя некрасиво – оцениваю его прикид снизу вверх. Совсем неуважительно.

– Извини. Что ты хотел рассказать?

– Я, честное слово, не алкоголик.

Он, честное слово, пока что не алкоголик.

– Я нормальный человек. Просто мне не повезло. Я так-то нормальный мужик, понимаешь? Просто бывает так, ну, когда не везёт.

– Понимаю.

– Дай мне немного денег, пожалуйста.

Как-то быстро он перешёл к делу, а я ведь хотел услышать рассказ. Обидно вышло. Ладно. Даю ему сотню, потом – пьяная пауза. Он открывает рот, но не может заговорить. Так бывает, когда ты, честное слово, пока что не алкоголик, но вот-вот им станешь. Вот-вот он что-то скажет, а сейчас он стоит с открытым ртом и пытается вытолкнуть слово.

– Ч-ч-честное слово, друг, ты – настоящий человек. Так мало таких, как ты.

Отличное вложение сотни. Можно было бы купить пивка, а можно вот так. Расправить мятую купюру и засунуть в автомат, который будет тебя благодарить и всячески нахваливаться. Автомат в чёрной кепке «Пума» и в обуви, месившей грязь три дня.

– Я хочу тебя ещё кое о чём попросить. Можем поговорить? Очень хочу поговорить с таким человеком, ну, с настоящим.

Ну прекрати. Ладно. Может, всё-таки будет обещанный рассказ.

– Давай поговорим.

– Я хочу, чтобы ты поверил мне. Я нормальный мужик.

Просто я сейчас в полной жопе. Ты веришь мне?

– Конечно верю.

– У меня раньше была одежда гораздо лучше, чем эта.

– Мне нравится твоя кепка.

Ужасная кепка. Зато он очень мило засмутился и улыбнулся. Зубы все на месте, а вот с ногой что-то не так. Он несёт в руке маленький пакет с логотипом аптеки и прихрамывает. Держу дверь, чтобы он прошёл. Кажется, он правда с ней бы не справился. Когда ты в полной жопе, тяжёлая стеклянная дверь и сквозняк могут оказаться серьёзной преградой.

Уже темно. Мы заходим в освещённый двор и встаём у стены. Мокрый снег опускается на его чёрную кепку и тут же исчезает. Я очень надеюсь, что его рассказ оправдает мои ожидания.

– Я же управлял рестораном в Ульяновске. У меня тогда одежда правда была намного лучше, чем эта. И у меня ещё жена была там, в Ульяновске. Нормальная баба. Померла полтора месяца назад. И как раз в то же время хозяин ресторана выгнал меня и поставил своего племянника управляющим. Эти армяшки всегда так делают.

– Да, есть у нас такая тема.

– Нет, пойми меня правильно, он нормальный мужик был, базару ноль. Просто незаслуженно меня уво...

– Расслабься, всё хорошо.

– Ну и вот. Померла Катька, меня уволили. Жопа полная.

Но я же мужик. Я же не сломался. Приехал в Москву, пошёл работать на стройку.

– Почему не в другой ресторан?

– Не получилось.

– Почему?

– Ну знаешь, бывает, получается, а бывает, не получается.

Вот тогда – не получилось.

Знаю.

– Короче, мы строили такой многоэтажный дом, у вас тут много таких. Такие, знаешь, по шестнадцать этажей. Проработал две недели, и потом мне на ногу свалилась арматура. Нога не сломалась, но её проткнуло хорошенько. Крови было... Приехала скорая, перевязали мне ногу. Сказали не выходить на работу. Нога болела, но мне же деньги нужны были. Пришёл на стройку, и мне не дали работу. Им, блядь, не нужен хромой работник, понимаешь? Я искал работу, и ни хера. И эта ёбаная нога... Пошёл в больницу. Врачиха посмотрела, сказала: заражение. Либо делать операцию, либо отрезать. Операция стоит двести тыщ. У меня нет таких денег. Я её спрашиваю: «Что значит отрезать? Вылечите мне ногу! Как так-то?! Это же моя нога! Как можно отрезать мою ногу?!»

Он хватает меня за куртку и трясёт. Наверное, это нормально. Мне нравится такая встряска. Я бы даже не отказал-

ся от хорошего леща.

– Это же моя нога! Если её можно вылечить, почему вы собираетесь её отрезать?! Она мне нужна! Вылечите её! Она сказала, чтоб я пришёл завтра, и они мне её отрежут бесплатно. Они мне её отрежут, блядь, бесплатно! Какого хуя?!

Мы стоим в пустом дворе. Я и этот мужик с дырявой ногой. Он плачет, и его плечи дёргаются в такт его всхлипам. И сквозь слёзы он говорит:

– Завтра должен пойти к ним, чтоб отрезали. Мою ногу. Скажи, что мне делать? У меня ещё неделю назад завелись ебучие вши. Пришлось подстричься налысо и выкинуть всю одежду. Налысо, понимаешь? У меня были нормальные волосы, вот как у тебя. А теперь – смотри.

Он наконец-то снимает эту ужасную кепку. Там выбритый череп с порезами. Мятый, как снежок со следами от пальцев.

– Я стойкий. Я знаю, что такое быть мужиком. Но я не могу больше. У меня ничего не получается. Завтра ногу отрежут. Могут вылечить, но отрежут. Что мне делать?

– Не знаю.

Не знаю, остались ли на нём вши. Не знаю, могли ли они перескочить на меня, когда он тряс меня за куртку. Знаю, что хочу уйти. Нужно набраться смелости и уйти. Мужик вытирает сопли рукавом и говорит:

– Слушай, можно тебя попросить кое о чём?

– Да.

– Дай мне немного денег, пожалуйста.

- Я же дал тебе сотню.
- Да? Спасибо тебе большое.
- Ну я, наверное...
- А ты чем занимаешься?
- Студент.
- На кого учишься?
- На врача.

Я не учусь на врача. Не знаю, зачем я это сказал, но теперь он довольно потирает ладони.

- Тебя Бог ко мне послал, базарю.

Он опирается о стену, закатывает штанину. Спешно дышит, собирается с силами. Я смотрю на бинт, которым перевязана дыра в его ноге. Кровь, гной, зелёнка. Настоящая русская осень. Он делает глубокий вдох и задерживает дыхание. Разматывает бинт с задней части ноги, доходит до дырки и замирает. Снова вдох. Резким движением отдирает. Он кричит, и его голос проносится по пустому двору. Один, два, три, четыре оборота. Сколько ещё? Семь, восемь, девять. Девять. Девять кругов ада вокруг дырявой ноги. На балконы выходят встревоженные жители. Ругают мужика за шум, ругают за то, что нарушает покой. И он опирается о стену дома, тяжело дыша. Дрожащей рукой протягивает пакет с логотипом аптеки. И он говорит, говорит настойчиво:

- Давай.
- Что?
- Давай!

Теперь я стою в пустом дворе и смотрю в эту дыру. Из неё пульсирует кровь вперемешку с гноем, и этот мужик, он терпеливо ждёт. Он думает, что сегодня ему повезло и ему попался отзывчивый студент-медик. Сейчас этот студент заботливо, со знанием дела обработает его ногу. Ногу, которую завтра отрежут. Настоящая русская надежда.

Достаю из пакета новый бинт и какую-то мазь. В каждом лекарстве есть инструкция. В ней написано всё, чтобы понять, как оно работает. Нахожу способ применения – ничего сложного. Я слышал, что, если чего-то не умеешь, притворись, что умеешь, пока не получится. Убираю инструкцию в карман.

Завтра этой ноги уже не будет. Мне нравится думать об этом. Сейчас я чувствую себя священником, и мне нужно прочитать молитву за упокой ноги. Не знаю, как она звучит. Я не священник, не врач, но за последние полгода я научился неплохо притворяться. Теперь я мазью рисую крест на красно-жёлтой дыре. Один, два, три, девять. Девять оборотов вокруг ноги меняют цвет белого бинта. Завтра этой ноги не будет, но есть хорошая новость: отдирать бинт тебе больше не придётся.

– Готово. Мне пора бежать.

– Спасибо большое, но я хочу тебя кое о чём ещё попросить.

– Давай, только в последний раз.

– Одну историю хочу рассказать.

– Рассказывай, только быстро.

– Я как-то Катьке купил кота. Породистого, двадцать тыщ стоил. А он в лоток так и не научился ходить. Срал где попало. Представляешь? Полная жопа. Мне пиздец как не везёт по жизни.

* * *

Ночью мокрый снег. Иду домой через парк. Иду по земле. Собираю кучу грязи на ботинках. Захожу в лифт и нажимаю на затёртую кнопку. Приезжаю на десятый этаж, традиционно самый чистый во всём доме. Смотрю на блестящий бордовый кафель. Хочу разуться и понести обувь в руках до двери. Не разуваюсь. Потому что мне есть что сказать своей соседке. Обеим её частям, правой и левой, мне есть что сказать. Завтра.

Художественные художники

Минас полгода назад начал писать рассказы. Он дизайнер, но теперь выкладывает истории в фейсбук³, копит лайки с комментариями. К сожалению, он пишет хорошо, поэтому у нашей дружбы появился срок годности.

Я стараюсь не читать написанное живыми. Каждый раз, когда беру в руки книгу одного из этих парней, я надеюсь, что она написана плохо. Я искренне надеюсь, что она мне не понравится. Дочитаю, закрою, пойму, что могу лучше. Но иногда понимаю, что не могу. Иногда эти парни с импортными фамилиями пишут слишком хорошо, чтобы я это игнорировал.

Мёртвые писатели – другое дело. Они мертвы, а значит, у меня нет к ним вопросов. С мертвецами всегда проще.

Ради нашей дружбы я, конечно, стараюсь, делаю вид, что поддерживаю Минаса, но вряд ли это прокатывает. Я не слишком хороший актёр, а он слишком хорошо пишет, чтобы не считать мою ложь. Минас же почему-то искренне меня поддерживает. Сейчас он спрашивает, почему я не пишу рассказы в фейсбук.

– Потому что меня там нет.

– И почему тебя там нет?

---

³ Здесь и далее: правительственные органы страны России признали «Фейсбук» экстремистской организацией, будьте бдительны.

– Потому что фейсбук для педиков?

– Я вообще по женщинам.

– Потому что я слишком стар для этого дерьма?

– Гис, заебал. В сорок будешь так говорить. Не заслужил пока.

Я и сам знаю, что не заслужил. Просто мне нравится так говорить: «Я слишком стар для этого дерьма» или «Фейсбук для педиков». Просто это удобно, когда у тебя есть предрассудки. Когда я вырасту, я стану тем, кто будет говорить так по любому поводу, и никакой Минас не сможет мне возразить.

Но пока мне нет сорока, придётся подчиниться. Регистрируюсь на фейсбуке. Собираю аудиторию из тридцати старых знакомых и Минаса. Пишу свой первый рассказ и выкладываю.

* * *

Мне было восемь, когда папа свернул шею нашему попугаю. Я держал его в руке, а его голова падала в ту сторону, куда я его наклонял.

Об раковину каплями стучала вода. С улицы было слышно чью-то сигнализацию, и мне хотелось ей подпевать. Я держал попугая в руке и ждал звонка от двоюродной сестры. Армянских братьев и сестёр с детства учат быть армянскими братьями и сёстрами. Одним из правил было: хотя бы раз

в день позвонить и узнать, как дела. В восемь лет разговор всегда был таким:

- Алло.
- Алё.
- Привет.
- Привет.
- Как дела?
- Хорошо, а у тебя?
- И у меня.
- Что делаешь?
- Ничего, а ты?
- Тоже ничего. Ну давай, пока.
- Пока.

Каждый день мы с сестрой ничего не делали и чувствовали себя хорошо. Я тогда решил, что сегодня всё будет иначе. Сегодня, кажется, нужно будет ответить, что дела – плохо. Такого прежде не случалось, и я был немного взволнован. Быстро спустился на улицу, закопал птичку. Обломал ветку так, чтобы она стала похожа на маленький крестик, воткнул её в землю и побежал домой. Я лёг на кровать с домашним телефоном на груди, упёрся ногами в стенку и стал ждать звонка. В квартире пахло сигаретами сильнее, чем обычно.

Кеше было четыре, когда папа свернул ему шею. Два года своей жизни Кеша мотал срок с отцом на зоне. Там, в Сибири, папа его и завёл. Наверное, завести животное, живущее в клетке, – это какая-то особая тюремная романтика. Папа

не научил его разговаривать, но научил его открывать клетку самостоятельно. И это, видимо, тоже неслучайно.

На нашем журнальном столике стояла ваза с фруктами. Кеша летал по гостиной, орал и срал. Насрал прямо на персики, которые так любил отец. Папа любил персики и никому не позволял срать на них. Поэтому он поймал Кешу и свернул ему шею.

Поэтому он поймал Кешу и отнёс его в клетку на кухне. Оставил его там и пошёл в гостиную. Кеша открыл клетку, как учил папа, и полетел обратно к нам. Когда папа закрывал за собой дверь, Кеша пролетал через дверной проём и не пролетел. Папа его поднял, посмотрел на него недолго и отдал мне. Сказал пойти и закопать где-нибудь.

– Аллю.

– Алё.

– Привет.

– Привет.

– Как дела?

– Хорошо, а у тебя?

– Плохо.

– Что делаешь?

– Ничего, а ты?

– Тоже ничего. Ну давай, пока.

– Пока.

Воздух кажется чище, когда холодный. Ночью шёл мокрый снег, и теперь мне хочется вдыхать глубже. Хочется спать с открытым нараспашку окном. Голову в свежесть, утром холодный нос и нежелание снимать с себя одеяло. Желание ссать. Желание ссать всегда сильнее.

Я просыпаюсь в 10:00, потому что моя дверь находится напротив мусоропровода. Каждый день я слышу, как с грохотом откидывается засаленная крышка, пакет скользит по трубе, крышка с грохотом закрывается. И я просыпаюсь. Вчера я твёрдо решил, что сегодня ей всё скажу. Сегодня, в 17:00, когда она будет отмывать кафель от грязи с моих ботинок.

Покачиваюсь, смотрю на свой обоссанный стульчак. Когда-нибудь его придётся протереть, но пока я слушаю, как шумят вчерашние жидкости. Каждое утро под этот шум я просыпаюсь и вспоминаю, из-за чего не мог заснуть прошлой ночью.

Кажется, я написал рассказ. Кажется, выложил его в фейсбук, и Минас его репостнул. Да, всё так, потому что теперь мне пишет некий Джаха. Захожу на его страницу, разглядываю фотку. Родной город – Ташкент. Место работы – дизайн-студия Артемия Лебедева. Впечатляющий узбек.

Открываю сообщение: «Саргис, привет! Я Джаха! Мне

очень понравился твой рассказ про отца и попугая! Я приглашаю вас с Миной сегодня домой на ужин! Если что, вот адрес: Спиридоновка, 34/1, это на Патриках!»

Когда ночью я писал рассказ, я совсем не ожидал, что с утра на меня наорёт какой-то узбек. Не очень понимаю, как нужно отвечать на такие сообщения, поэтому говорю, что на меня работает узбек по имени Баха, и скидываю фотку паспорта своего работника.

Надо, наверное, объяснить. Я могу пить алкоголь по шестьсот пятьдесят рублей за стакан, потому что почему-то у меня есть свой бизнес по производству армянского чая. Когда я говорю про производство чая, люди называют меня чайным бароном, представляя разгуливающим в широкополой шляпе по своим плантациям на Шри-Ланке. На самом деле в некоем гараже в Подмосковье узбек по имени Баха вручную запихивает в пакеты чай вперемешку с армянскими горными травами и заклеивает пачку на настольном запайщике. Потом этот чай отправляется в восемь оптовых компаний, занимающихся продуктами из Армении, и разъезжается по России. Я в этом процессе почти не участвую.

Поэтому я честно написал узбеку Джахе, что на меня работает узбек Баха. Это такая армянская привычка: сводить людей по национальностям. Когда армяне знакомятся, им важно услышать от человека, есть ли у него другие знакомые армяне. Подумал, что в мире узбеков это работает так же. Джахе мой жест показался странным. Может быть, пото-

му что оказалось, Баха не узбек, а таджик, а может, потому что это в принципе странно. Но откуда мне было знать, как устроен мир узбеков.

И всё же приглашение остаётся в силе. Разговор с соседкой снова переносится, но это не страшно. Я всегда знаю, где и когда её найти. Сегодня я приглашён на званый ужин к Джахе, а это значит, что нужно заглянуть в «Красное и белое», чтобы избежать неловких ситуаций. Ненавижу знакомиться трезвым. Я слишком стар для этого дерьма.

* * *

С мертвецами всегда проще. Когда я пью дома, я громко слушаю музыку. Обычно это какой-нибудь парень, который решил, что будет погибать молодым. Мне так проще. Так не нужно думать, хорошая это музыка или нет. Этот парень давно умер, какие к нему могут быть вопросы.

Я давно закрыл эту тему и решил: мне будет нравиться старый рок. Главное – не щеголять этим, а то знаю я этих типов, которые почему-то гордятся тем, что слушают хорошую музыку, так, будто это они её исполняют. Хуже только те, которые спускаются на самое дно интернета и находят там что-то, что вызывает у них гордость за свою экспедицию. Потом они тычут этим тебе в лицо, мол, смотри, в каких дебрях я побывал и что оттуда принёс. Они даже не понимают, насколько я стар для этого.

Такси подъехало. Абдурахим Шукуров ожидает меня.

По Ленинградке на Тверскую. Я сижу в уютном кресле рядом с Абдурахимом, и мне в спину впивается деревянный массажёр. Моё тело, тонущее в хмеле, тянет ко дну «Восток FM». Там живые восточные парни поют про живых красавиц, поэтому я высовываю голову из окна.

– Насвай будешь, брат?

Засовываю голову обратно и вижу, как Абдурахим пальцем пихает грязно-зелёное месиво себе под губу.

– Правда, что его делают из куриного дерьма?

– Какая разница?

Какая разница. Кажется, мне есть чему поучиться у Абдурахима. Он делает радио громче. Я делаю тише.

– Кто самый крутой в Средней Азии?

– Смысле, брат?

– Ну узбеки, таджики, киргизы. Кто круче?

– Узбеки.

– А ты узбек?

– Таджик, брат.

У Абдурахима точно есть чему поучиться. Я тут подумал, что еду в гости к Джахе, представителю самой крутой национальности в Средней Азии, с пустыми руками.

– У тебя есть ещё пакетик?

– Насвай?

– За сколько дашь?

Минас уже ждёт меня на Спиридоновке с бутылкой «Баллантайнса». Это я его научил. До встречи со мной он принципиально не пил, потому что не нашёл в этом смысла. Он даже как-то сказал, что ему не нравится вкус алкоголя. Как будто он кому-то нравится. Однажды я уломал его выпить, а он уломал меня писать рассказы в фейсбук. Теперь мы тут, приехали к какому-то узбеку на Патрики с гостинцами.

– Что за Джаха?

– Из студии.

– Вы знакомы?

– Не-а, пару раз пересекались.

– Он правда узбек?

– Да.

– Я думал, они в общагах живут.

Студией сотрудники той самой студии называют дизайн-студию Артемия Лебедева – самую успешную в России. Видимо, поэтому они решили, что имеют право за столбить за собой слово «студия».

Когда я узнал, что Джаха работает там, у меня сложился образ. Через Минаса я познакомился с некоторыми его коллегами. Работники студии – секта. Довольно безобидная, но всё же. Они говорят: «Если человек ставит среднее тире вместо длинного тире, то он мудака». Ещё они говорят: «Ес-

ли человек пишет "доброго времени суток" вместо "добрый день" или "доброе утро", то он мудака». С последним согласен. Вообще, мне нравится такой подход, но говорят, что он не очень современный.

Теперь всех нужно оценивать с нуля. Начинать знакомство так, будто ты не видишь человека перед собой. Представь, что ты не видишь, как этот парень держит сигарету. Представь, что этот идеальный угол в девяносто градусов между его предплечьем, упёртым в бок, и кистью ни о чём тебе не говорит. Потому что, возможно, не все парни, которые держат сигарету, как престарелые аристократки, – геи⁴. Возможно. Но скорее всего, большинство из них предпочитают парней.

Геев я совсем не боюсь, и даже на радужный парад вдоль Кремлёвской стены смотрел бы с детским интересом. Дело не в этом. Нужна же какая-то отправная точка, и предрасудки отлично для этого подходят. Хорошо, когда в кармане пакетик насвая для твоего нового знакомого из Средней Азии. Ещё лучше, если этот знакомый оценит твой жест.

Последние полгода я проводил всё своё время на Патриарших. За это время я ни разу не был в этих помпезных домах. Мне всегда представлялось, что они пусты и их хозяева живут где-то на юге Франции, севере Италии, точно не здесь.

---

⁴ Здесь и далее: правительственные органы страны России признали международное общественное движение ЛГБТ экстремистской организацией, будьте бдительны.

Теперь мы заходим в парадную. В парадную, потому что подъезд – это то, что в моём доме в Коптево, а тут стоит зеркало в полный рост и висят портреты неизвестных мне людей. Если это местные жители, то ловить мне здесь нечего. Тяжело выстроить диалог с человеком, который может повесить свой портрет на стену. Минас говорит, что это работы Никиты, соседа Джахи, поэтому мы заходим в лифт. Тут пять этажей и ещё шестой. Чтобы поехать на шестой, нужно вставить ключ в кнопку и повернуть.

Дверь открывает высокий тощий парень, представляется Никитой. Узловатыми длинными пальцами он обхватывает мою ладонь полностью. Мне нравится, как Никита жмёт руку и как держит осанку. Очень достойно. От него вообще сильно разит каким-то достоинством. Я бы решил, что это дворецкий, если б Минас не сказал, что это сосед. Потом решил бы, что этот узбек Джаха слишком до хера себе позволяет.

Никита, как радушный хозяин, приглашает нас на кухню. И квартира обдаёт с порога художественностью. Я уже слышу, как вся эта мебель скрипит. Вижу, как они собирали эту технику по барахолкам. По стенам художественно развешаны иссохшие ветви, а на полу – картины. Они прислонены к стене, и, чтобы посмотреть, нужно перебирать их, как виниловые пластинки в коробке. Кажется, художники никогда не вешают картины на стены.

Хочется проверить туалет. Всегда было интересно увидеть туалет в квартире художников. Большой синий знак авто-

бусной остановки нависает над унитазом, светится по контуру золотыми гирляндами. На полке возле толчка толстая кора дерева, в углублении которой художественно лежат белоснежные рулоны туалетной бумаги. И как мне ссать в таких условиях?

Возвращаюсь на кухню. Джахи там нет. За столом две девушки, и у той, что главная, короткие зелёные волосы уверенно тянутся вверх. Наверное, лесбиянки. Никита со всем своим достоинством представляет нас:

– Это Елизавета, моя троюродная сестра, мы с ней сегодня познакомились, а это...

– Это моя девушка, Катя, – перебила Елизавета.

– ...Джаха у себя в комнате с девушкой, сейчас придёт.

Всё это тянет на русское порно. То, которое без бюджета. Две лесбухи, два хача и высокий тощий парень, который, видимо, будет исполнять роль куколда. Джаха в это время у себя в комнате снимает кастинг. Разве что антураж слишком художественный, а в Никите многовато достоинства для куколда. Он откупоривает вино, предлагает налить, но я отказываюсь. Прошу Минаса налить мне вискаря, который он до сих пор греет в руках.

– У вас есть лёд?

– Конечно, Саргис, сейчас прине...

– Я сам. И можно просто – Гис.

Зачем-то открываю не морозильник, а основную камеру. Там заламинированные карточки с пятью именами. Акку-

ратно приклеены к каждой полочке.

– У вас общага?

– У нас творческая коммуна. Но сейчас три комнаты пустуют, только мы с Джахой.

Я знал, что узбеки живут в общагах. Не знал, правда, что на Патриках есть общаги. Минас мешает нам свой излюбленный коктейль, и теперь мы сидим переглядываемся. Художественная ситуация. Ненавижу эти знакомства, когда приходится придумывать темы для разговоров. Придётся взять всё в свои руки.

– Ну, Лиза, ты, получается, лесбиянка?

В комнату заходит Джаха с девушкой. Бодрый и любезный парень, не считая того, что гостей за него встречал Никита. Бодрые и любезные люди меня настораживают не меньше принципиальных.

– Вы кастинг снимали?

– В смысле?

Джаха делает вид, что не понимает, о чём я. Никита и Минас правда не понимают, о чём я. Минаса я знаю слишком давно, и я в курсе про его принципы на этот счёт. А Никита – в нём, кажется, слишком много достоинства для порнухи.

И Лиза говорит:

– Да, я лесбиянка.

– Здорово, впервые вижу лесбиянку вживую.

– И как тебе?

– Нравится причёска, у меня в детстве была такая же,

только чёрная.

Немного лесбийского смеха, но ситуация по-прежнему слишком художественная. Мы сидим в кружке. Переглядываемся, как если бы были детьми и наши дружные родители усадили бы нас за стол со словами: «Вы обязательно подружитесь!» Пока что Лиза меня настораживает меньше остальных, но меня пригласил Джаха, поэтому надо проявить к нему интерес.

– Вы давно знакомы со своей девушкой?

– Вчера познакомились.

– Получается, тут все только познакомились?

– Ну, получается, так.

Неловко всем, кроме Никиты. С его лица не сходит улыбка с момента, как мы сюда зашли, и я не могу понять, нравится мне это или нет. Он говорит:

– Мы с Джахой решили приглашать каждую неделю незнакомых людей в гости.

– По какому принципу вы их выбираете?

– Ну, сегодня мы пригласили писателей.

– Лиза, ты пишешь?

– Нет.

– Понятно. А как эти встречи вообще работают?

– Ну мы сидим, ужинаем, пьём вино, а в конце вечера наши гости записывают впечатления в нашу гостевую книгу.

Никита достаёт чёрный ежедневник с надписью «Гостевая книга». Он протягивает его мне, и улыбка по-прежнему не

сходит с его лица. Она разве что время от времени меняет свой ненавязчивый посыл. Сейчас – выжидательный.

Ситуация сложилась так, что мне нужно проявить интерес к этой книге. Беру её, листаю. Замечаю краем глаза, что Минас наливает себе третий стакан, и мизинцем подвигаю свой. В гостевой книге послания соревнуются в остроумии и неизменно кричат на меня восклицательными знаками. Сколько нужно её листать, чтобы было вежливо?

Минас делает глоток, ставит стакан и подтягивается вперёд. Это сигнал, который означает, что он готов стать королём вечеринки, а я могу отложить эту дурацкую книгу. Два стакана. Всего два, Минас. Выгодно пить, когда ты не пьёшь.

– Расскажу историю, как я подделывал паспорта и мы чуть не ограбили банк.

Эту историю Минас пару месяцев назад написал в виде рассказа и дал мне почитать. К сожалению, он написал её хорошо.

– Я пока выйду покурить.

Выхожу в парадную, спускаюсь. Возвращаться не хочется. Закуриваю. Красиво это всё, конечно, не спорю, но, если вернусь, придётся что-то писать в эту книгу. Придётся увидеть, что в неё впишет живой Минас.

Я стараюсь не читать написанное живыми. И в целом с художниками мне тяжело. А эти ребята, они кажутся довольно приятными, Минас вообще мой друг, поэтому, пожалуй, возвращаться не буду.

Из парадной выходит Джаха. Выходит один. Закуривает самокрутку.

– Про кастинг нормально пошутил.

– Я, кстати, не с пустыми руками.

Достаю из кармана пакетик с грязно-зелёным месивом и отдаю Джахе. Ржёт. Всё не так плохо. Может быть, я смогу как-нибудь с ним выпить. Джаха спрашивает, правда ли на свай делают из куриного дерьма. Точно смогу.

– Какая разница? Я пойду. Как-нибудь выпьем. Я тут часто пью, пиши. Только по-братски, поменьше восклицательных знаков.

– Пошёл ты!

* * *

Я тут часто пью. Пью на Патриках, почему-то могу себе позволить. Прохожу к пруду. Женщина-экскурсовод затирает сонным туристам что-то про Булгакова. Булгакова читал – хороший писатель, мёртвый.

Прохожу на Спиридоньевский переулок. Захожу в «Нюд» попить кофе. Тесная кафешка, приходится слушать разговоры людей вокруг. Чаще всего девушек, иногда парней, которые курят, как престарелые аристократки. Собираюсь заказать кофе, но потом кто-то из них говорит:

– В кино и театре ты всегда работаешь с жизнью и смертью. Ты берёшь мёртвый текст и пытаешься его оживить.

Придётся уйти. Мне тяжело с художниками. И вот эти разговоры я с трудом выношу.

Художественные Патрики. Я никогда не был в этих помпезных домах до сегодняшнего дня. Почему-то художники могут позволить себе тут жить. Почему-то я могу позволить себе здесь пить. Поеду домой, посмотрю кино. Хочется посмотреть кино.

Посмотрел «Запах женщины». Там в конце старый слепой ветеран Вьетнама надрывно кричит мне что-то о принципах. Кричит очень убедительно, с восклицательными знаками в нужных местах. Наверное, он знает, что в кино и театре ты всегда работаешь с жизнью и смертью. Ветеран говорит о том, как сложно держаться своих принципов и как важно это делать. Я говорю Минасу: «Может, всё-таки выпьем?» И мы выпиваем. Минас говорит мне: «Может, всё-таки будешь писать рассказы в фейсбук?» И я пишу.

Директора

– Извини меня, но это НЕ нормально, что на машине за пять триста облазит бампер.

Я опять тут, в «Пинче».

– Ты, конечно, извини, но мне катастрофически не нравятся тайцы.

Сижу тут за баром, как обычно.

– Я дико извиняюсь, но ощущение такое, что вы кофе заварили на воде из-под крана.

Сижу и слушаю, как эти замечательные люди с разбухшим чувством вины извиняются за то, что мир им не угодил. Сижу тут за баром. Это мой способ отделить себя от этих замечательных людей – сидеть за баром. Кажется, ни разу не сидел здесь за столиком.

Я опять в «Пинче», потому что тут работает Жорик. Когда ты регулярно пьёшь, важно выбрать не бар, а бармена. Я со своим определился, когда однажды разбил роскошный стакан. Тогда лысый Жорик посмотрел на меня своими бешеными шарами и просто сказал:

– Красавчик.

Это было ещё в соседнем баре «Саксон и Пароле», который уже закрыт. Жорик тогда сказал, что он с детства болеет за Джокера, обожает звуки разбитого стекла и хаос в целом. Я сразу понял, что это мой бармен, и когда он ушёл работать

в «Пинч», я отправился за ним. Потому что хорошо, когда тебе наливает Жорик, простой пацанчик из Тольятти. Хорошо, когда тебе наливает человек, который любит хаос так же, как ты.

Сильнее, чем хаос, Жорик любит котиков. Я тоже их люблю. Чаще всего сижу подпитый за баром и разглядываю фотки одного из двух котов Жорика. Сейчас он рассказывает о надменном взгляде одного из них, того, которого зовут Курдюк. Он говорит, что Курдюк иногда так на него смотрит, что хочется подойти и дать ему леща. Хочется сказать ему:

– Ты кто такой вообще? Попроще будь.

– Американо переделай.

Официантка возвращает за бар кофе, который, по мнению гостя, заварен на воде из-под крана. Бешеные глаза Жорика укатываются куда-то под череп. Наверняка там копятя те же мысли, которые когда-то копились в голове его кумира. Но Жорик не Джокер – Жорик идёт переделывать. Готовит новый американо на фильтрованной воде, как и до этого.

Теперь официантка стоит, как провинившаяся девочка. С нарочитой тревогой следит за тем, как эта женщина подносит кофе к красным губам. Она делает вид, что переживает. Но она не переживает. Эта официантка работает здесь слишком давно и точно знает, что произойдёт дальше.

Дальше женщина изящно сделает глоток, мило улыбнётся и скажет: «Спасибо». Она, возможно, даже извинится и скажет, что не хотела беспокоить. Чего эта женщина точно не

станет делать, так это грубить. Потому что теперь немодно вести себя как сучка. По крайней мере, не на Патриках. На Патриках надо быть интеллигентным.

Жорик протягивает мне фотку Курдюка, а я отвлекаюсь на коричневую девушку. На ту, которой катастрофически не нравятся тайцы. Она вообще-то славянка, просто цвет у неё такой – коричневый. Видимо, это как-то связано с Таиландом. Сейчас она смотрит на своего мужика и прикусывает нижнюю губу. Не понимаю, как она вообще помещается у неё во рту.

Когда сижу здесь, иногда я знакомлюсь с девушками. Иногда они по ошибке знакомятся со мной. Просто им стало сложнее распознавать папиков. Папики теперь насмотрелись модных журналов и одеваются по-всякому. Поэтому иногда эти дамочки думают, что молодой парень в чёрной футболке может оказаться успешным айтишником или стартапером. Иногда я даже могу подыграть. Главное – вести себя интеллигентно и не выдавать, что я такой же чужеродный в этом месте, как люди из девяностых.

Сейчас их тут двое. В розовых итальянских рубашках с цветочными узорами под пиджаками, они сидят в разных концах бара и делают вид, что не замечают друг друга. Один из них отчуждённо сидит рядом с парнем, который не понимает, как в машине за пять триста может облезать бампер. Я тоже этого не понимаю.

Обожаю этих замечательных людей.

На двенадцатый день рождения мне подарили «Сименс М65» – кнопочный телефон с цветным экраном, ИК-портом и противоударным корпусом. Тогда ты всегда знал, какой телефон у каждого из твоих одноклассников. Такого, как у меня, не было ни у кого. Он только вышел, а я жил в Царицыно. Там мало кто мог себе позволить такой подарок двенадцатилетнему ребёнку. Мои родители тоже не могли, но купили, хоть я и не просил.

Всё лучшее в классе было у меня. И я тихонько стыдился этого, пытался найти оправдания. Не знаю, перед кем, но мне было важно разобраться с этим. Придумал вот что. Я был отличником, учился лучше всех, поэтому то, что у меня лучший телефон и всё остальное тоже лучшее, – это такая зарплата. Это такой баланс. Я тогда ещё не знал, что в природе всё хаотично.

Потом был Игорь. Одноклассник, который жил с бабушкой. Я так думал, потому что от него пахло, как пахнет от бабушек. Когда мы переобувались, я нагнулся за сменкой и телефон выпал из кармана. Лучший телефон в классе, да и в целом на тот момент лучший телефон с противоударным корпусом, выпал прямо на кафель. Экран треснул. И Игорь тогда сказал так:

– Ну ты даёшь! Будь у меня такой телефон, я бы его холил

и лелеял.

Он так сказал, потому что точно рос с бабушкой. Дети не должны так разговаривать. Но он сказал так. И я очень пожалел, что родители подарили мне тот телефон.

* * *

Мужик из девяностых пьёт коктейль цвета своей рубашки и смотрит по сторонам. Пытается улыбаться. Чаще всего такие, как он, оправдывают свой успех тем, что научились приспосабливаться лучше остальных. Но то, что они оправдывают свой успех, говорит об этом успехе больше, чем само оправдание.

Сейчас этот мужик приспосабливается здесь. Пьёт розовый коктейль, улыбается незнакомым людям. Вижу, как ему тяжело. Нужно проявить солидарность и поддержать его как могу. Я такой же чужеродный в этом месте, как он, только вот я моложе. Мне приспосабливаться легче.

Когда парень с машиной за пять триста уходит, я двигаюсь на его место. И я спрашиваю мужика в розовом, нравится ли ему коктейль. Он, ёрзая на стуле, поджимает губы и кивает. Вижу, как ему тяжело.

– Правда нравится?

Теперь он делает паузу и бросает всякие попытки приспособиться. Он говорит:

– Да по чесноку, муть какая-то.

Улыбаюсь, спрашиваю, кем он работает. Спрашиваю сразу на «ты», потому что знаю, что в баре так полагается. Я молод и умею приспособливаться, как когда-то умел и он. Но, кажется, мужик с этим не согласен. Ему явно не нравится, что какой-то пацан так резко перешёл с ним на «ты», поэтому он говорит так:

– Директором. Я работаю директором.

– Извини, не против – я отойду ненадолго?

– Говно вопрос.

Возле туалета очередь. Там коричневая девушка с толстой нижней губой, а перед ней – мужик в розовой итальянской рубашке с цветочными узорами под пиджаком. Это тот, который второй. Первый, который Директор, сидит за баром. Тут две кабинки. Дверь в одну из них открывается, и я говорю мужику:

– Может, девушку пропустишь?

Подумал, вдруг он её не заметил. Он заметил.

– Ты будешь говорить, что мне делать?

– Извини, не хотел обидеть.

Я так сказал не потому, что зассал. Сказал так, потому что ссать хотел. А ещё потому, что правда не хотел его обидеть. Может, ему тесно в этой итальянской рубашке с цветочными узорами. Может, он просто устал приспособливаться, откуда мне знать. Он заходит в кабинку.

Обычно в барах люди здесь знакомятся. Дело в том, что они стоят тут такие все красивые и разодетые, а в метре от

них за хлипкой дверцей два таких же красивых и чуть менее разодетых человека занимаются ужасными вещами. Это всегда располагает к беседе.

Я собираюсь заговорить с коричневой девушкой и замечаю, что она смотрит на меня. Как на помятого котёнка смотрит, брови свои поднимает. Не сложится у нас разговор. Мужик в розовой рубашке выходит, и коричневая девушка заходит сразу за ним.

Он подходит ко мне и спрашивает, как меня зовут. Потом он говорит:

– Дружище, не обессудь, не знаю, чё я так завёлся. Был неправ.

– Да нормально.

– Просто сегодня, прикинь...

Коричневая девушка удивительно быстро заканчивает и выходит. Она проходит мимо и снова кидает этот свой сочувствующий взгляд. Нельзя так смотреть на людей. И нет в этом ничего человеческого.

* * *

Когда мне было двенадцать, родители подарили мне камелоты. Это такие ботинки, похожие на мартинсы, с железной вставкой на носу. Можно было взять ложку, стукнуть и услышать звук металла. В таких ещё часто скины ходили. Родители подарили мне их не потому, что хотели внедрить

во вражескую группировку. Нет, просто узнали, что сейчас модно в таких ходить. Они тщательно следили за тем, чтобы я не отставал от сверстников, чтобы у меня было всё. В итоге у меня было всё, но чуть больше.

В первый же день я оставил сменку в раздевалке. После уроков её там не оказалось. Я взял свой «Сименс М65» с новым экраном и набрал маму. Она тут же пошла разбираться. Ругалась с нянечкой с фиолетовой головой, с охранником в нестираной форме. Мама всегда хотела меня защитить. Тогда были скины. Не только скины, у простых школьников тоже были свои убеждения. Мне с моим носом приходилось драться пару раз в неделю, но его мне так и не вправили. Просто мама говорила, что, если кто-то называет меня хачом или чуркой, надо драться.

Это была такая холодная война между моими родителями и спальным районом в чужой стране. Я на той войне был чем-то вроде Вьетнама или Кореи – местом боевых действий. Вечером папа привёз новые камелоты. Их украли через три месяца, и родители мне ничего не сказали. Ту битву они проиграли, но, кажется, с достоинством.

* * *

Директор сидит там же, где я его оставил. Он предлагает выйти покурить. Отходим подальше от толпы, закуриваем.
– Нравится тут?

– Ну красиво, чё. Только алкашка какая-то холостая.

Они научились приспособливаться.

– Слушай, я, вообще, хохол и живу прям тут. И мне родня привезла, короче, горилки с салом. Настоящая хохляцкая горилка. Давай сейчас метнёмся, выпьем по полтосику – и обратно.

Я никогда не был в этих помпезных домах до вчерашнего дня. Вчера встретил приятных людей. Общение, правда, не сложилось, но люди хорошие, достойные.

– Почему бы и нет.

Говорю Жорику, что мы вернёмся. Жорик кидает мне вслед очередную гейскую шутку. Гейская шутка от парня с телефоном, забитым фотками котиков. Ладно.

Эта квартира выглядит более предсказуемо, чем творческая коммуна Никиты и Джахи. Кожей обтянуто всё, что только возможно обтянуть. Чёрные и красные цвета в интерьере, островками – огромные плазмы. Всё как положено, когда ты хохол, разбогатевший в девяностые. Он выдыхает и говорит:

– Ну, так и живу!

– Впечатляет. Ремонт сам делал?

– Не, это я снимаю. Двести кусков в месяц стоит. Мы с партнёром пользуемся квартирой как офисом, но вообще я тут живу.

– Так и живёшь?

Директор довольно улыбается, потирает ладони и уходит

к холодильнику. С головой в него. Достает запотевшую бутылку горилки, шмат сала, как расторопная домохозяйка, нарезает чёрный хлеб. Потом мажет горчицей и заботливо накрывает салом. Приходит ко мне за барную стойку разве что без фартука. Да, тут барная стойка вместо обеденного стола. Холостяцкая хохляцкая хата. Директор разливает тягучую горилку. Чокаемся, выпиваем, закусываем, и он тут же наливает по второй. Только после всего этого марафона он наконец-то откидывается на стуле и выдыхает.

– Сейчас с партнёром хотим остров один купить и построить там отели. Там сейчас выгодные усло...

– Расскажи лучше про родню, которая приезжала.

– Про родню? За родню!

Выпиваем по второй.

– Ну чё тебе рассказать? Приехали сюда ко мне. Я их устроил тут у себя. Они мне говорят: фига ты устроился. А я чё? Я так и живу. Я как считаю: важно уметь приспособливаться. Вот я, чё думаешь, сразу так жил? Это я сейчас так живу. А в детстве я мечтал так жить.

– Мечтал стать директором? Хорошо, когда мечты сбываются.

– За мечты!

Тут я уже не выдерживаю и смеюсь. Этот милый романтик наливает по третьей и настаивает на том, чтобы я закусил.

– Ну красиво же живу?

– Базару ноль.

Ладно. Кажется, он начинает на меня влиять. Базару ноль. Это явно не из моего лексикона. Видимо, я слишком хорошо умею приспособливаться. Надо отлучиться в туалет и возвращаться к Жорику. От двери кричу, что ухожу.

– Обижает! Надо допить – и вместе пойдём! Мы же договаривались!

Вообще, мы по полтосику договаривались, но теперь он так говорит, что я не могу отказать. Как-то с детской обидой говорит. Как если бы отец в субботу ушёл на работу, хотя до этого обещал погонять с ним в мяч. Если я когда-то стану отцом, буду держать обещания, а пока вернусь к Директору.

– Ну ты рад, что родня приехала?

– Ну конечно, рад! Они, конечно, колхозанские маленько, но зато посмотрели, чё да как. Как люди в Москве живут, так сказать. Как я живу. К тому же горилку с салом привезли.

Выпиваем ещё по одной. Горилка и сало действительно хороши. Все эти традиционные штуки, выстраданные каждой нацией, они не могут быть плохими. Там осталось ещё по одной рюмке – он доликает. Почему-то есть ощущение, что он вот-вот расплачется. Поэтому последний тост говорю я.

– За то, как ты живёшь!

– Умеете вы... Ну вот умеют армяне тосты говорить. Давай!

Выпиваем по последней и идём на выход. Рядом с коридором – спальня. Там величественно стоит огромная незаправленная кровать, и Директор с тоской засматривается на неё.

– Верись, нет? Уже полгода тут живу, ни одну деваху не привёл.

– Честно говоря, не верю.

– Базарю.

– Ну приведёшь ещё.

Возвращаемся в «Пинч». Наши места мягкими бёдрами греют две девушки. Вроде красивые. В этом баре женщины настолько ухоженные, что и трезвым-то сложно понять, красивые они или нет, а во мне тут уже триста грамм хохляцкой горилки, не считая того, что Жорик наливал. В любом случае это приятный сюрприз. Директор говорит:

– Это наше место.

– Да чё ты? Давай закажем и пойдём на улице постоим.

– Нет, это наше место.

– Зачем ты так?

Каждую ночь на его огромной кровати прохлаждается простыня. Там могут упасть три тела, помимо директорского, но, видимо, ему нравится перекатываться во сне. Может, поэтому теперь он так себя ведёт. Вряд ли же он хочет их обидеть?

Девушки оценивают нас между делом. Они пока не слышат весь энтузиазм, с которым Директор готов бороться за своё место, поэтому одна из них говорит:

– Можете с нами постоять.

– Нет, давайте мы сядем, а вы можете с нами постоять.

Конечно, они уходят. Директор, как никто другой, знает,

как отстаивать свои позиции. А я знаю, что теперь мне не хватит смелости сесть на своё тёплое место. Я благодарю его за горилку и сало. Говорю, что тоже пойду.

– Пойдёшь?

– Да, пойду.

– Ну ты это, заходи, если чё.

– Как в том хохляцком мультике?

– В каком?

– Ладно, я пойду.

Выхожу. Подхожу к девушкам и извиняюсь за Директора. Почему-то чувствую себя предателем, но мне не хватит смелости просто уйти. Я говорю девушкам, что он не хотел их обидеть. Потому что он этого точно не хотел. Он так сказал, потому что, может быть, ему было тесно в итальянской рубашке с цветочным узором. А может быть, потому, что ему было тесно в баре на Патриках с красивыми интеллигентными людьми.

* * *

Холодная война закончилась, когда мне было шестнадцать. Мы тогда переехали на «Фрунзенскую». Я перевёлся в новую школу в одиннадцатом классе. Мой телефон не был лучшим, моя обувь была ничем не примечательна. Некоторые из новых одноклассников готовились поступать в заграничные вузы. Я выдохнул. Хорошо, когда война заканчива-

ется.

Теперь я пью на Патриках. Мне это не по карману. Я пытался пить в пабах в спальных районах, но там меня накрывают флешбэки с войны. Как престарелому ветерану Вьетнама, мне видится то, чего нет. Я сижу там с кружкой пива за двести рублей, которая мне по карману, и слышу запах какой-то бабушки. Поворачиваю голову, а рядом сидит этот Игорь. И он говорит мне так:

– Ну ты даёшь. Будь у меня такая жизнь, я бы её холил и лелеял.

И тогда я жалею, что родители подарили мне такую жизнь.

Рыбаки, охотники и все остальные

Не только мы с Миной пишем в фейсбук. Есть там один популярный тип с импортной фамилией. Из тех, про которых говорят: «Он очень тонко понимает и по-особому чувствует женщин». Видимо, он преемник Генри Чинаски в российском сегменте. Только вот он пишет что-то вроде: «Я вдыхал тебя полностью». Что-то про то, что его «любовь похожа на смерть». Или, например, о том, как он «любил любить её сверху». Такие вещи. Поэтому – Гена. Я буду звать его просто Гена.

Раз в два дня Гена с тонким пониманием и особым чувством рассказывает в фейсбуке, как потрахался. Обязательно прикрепляет к истории свою фотографию с соответствующим взглядом. Лучше бы там были снимки его подруг – всегда хотел увидеть женщину, которую кто-то полностью вдохнул.

Гена очень даже живой, но я с большим удовольствием читаю всё, что он пишет. Это меня мотивирует. Он рассказывает ужасные вещи про женщин, а те стекаются к нему в комментарии и всячески нахваливают или осуждают. В целом Гена почему-то их сильно волнует. Мне женщины не пишут. Мне вообще после Джахи никто не писал.

У Гены есть два типа постов:

1. Гена рассказывает о том, какой он Гена.

2. Гена рассказывает о том, что тебе нужно делать, чтобы быть похожим на Гену.

Вторые обычно начинаются так:

1. «Есть четыре типа женщин...»

2. «Есть три типа секса...»

3. «Есть два типа отношений...»

Мне нравится подход студийцев, поэтому, несмотря ни на что, я это скажу. Если человек делит что-то на типы, то этот человек – мудака. Сегодня Гена выкладывает пост второго типа.

«Мужчины делятся на рыбаков и охотников...»

Это он так про методы знакомств написал. Рыбак в этой вселенной ждёт, пока женщина обратит на него внимание, охотник внимание завоёвывает – что-то вроде того. Гена, в свою очередь, хорош тем, что чередует обе стратегии. Ходит с удочкой, ходит с ружьём вооружённый до ебли Гена. А где он, кстати, ходит? Судя по фоткам, где-то на Патриках. Значит, однажды пересечёмся.

Я точно буду пьян. Что-то произойдёт с моей речью, когда я буду пьян. Всегда происходит. Из меня полезет всякое голливудское, что-то совсем не сочетающееся с моим внешним видом. Эти реплики не сочетаются даже с языком, на

котором мы тут, в России, общаемся. Поэтому боюсь, что, когда пересечёмся, я выдам что-то такое:

– Ты – лживый кусок дерьма, Гена!

Может, не совсем так, но суть будет примерно в этом. Утром неловко будет. Утром вспомню, что мы тут, в России, дерьмо на кусочки не делим. У нас тут дерьмо единое, целостное – не то что на Западе. А Гена, вообще-то, тоже не без косяков ответит. Он наверняка ответит как-то замысловато. Точно не знаю, как именно, но, возможно, притчей. Возможно, заготовленной на такие случаи фразой, но это обязательно будет что-то витиеватое. Как именно Гена ответит, не знаю, но суть там будет такая:

– Саргис, ты мне завидуешь.

Гена окажется прав и выйдет победителем из этого странного спора. Но он никогда не поймёт, чему именно я так завидую.

Зато знаешь что, Ген? Зато сейчас мне впервые пишет девушка. Красивая такая. Вот, предлагает встретиться, и я, конечно же, соглашусь.

* * *

Сегодня девятое мая. Это значит, что завтра на Тверской будут перекладывать асфальт. Когда тонны железа тянутся к Кремлю, дорога становится похожа на скомканный ковёр.

Выхожу на «Белорусской». Под скрежет танков вдоль ко-

лонн иду к Патриаршим. Росгвардеец неловко улыбается, потому что немецкая овчарка у его ног не хочет сидеть. Она лежит. Он пытается её посадить, но та не хочет. Та хочет спать. Ведёт себя, как какой-то кот. Останавливаюсь посмотреть, чем всё кончится.

– Позорище.

– Что?

– Праздновать День Победы. Это должен быть траур, а не вот это вот всё.

Это у меня за спиной такой разговор. Там парень с бритыми висками сосёт кусок пластика и щедро делится с девушкой своей философией. Не только с ней – он говорит достаточно громко, с вызовом даже. А я вообще-то не раз это слышал. Праздновать День Победы позорно, там же людей сколько погибло. Так сейчас модно говорить, модно быть пацифистом. Росгвардейцев презирать тоже модно. И теперь тип с бритыми висками даже не замечает этого милого парня, который пытается убедить своего пса не позорить его на людях.

Ладно, согласен, за Росгвардией есть косяки. Но конкретно этот парень, он же хороший человек. Пытается договориться со своим пёсиком, пока за спиной едут бронетранспортёры. Смущается, краснеет так, как никогда не смущаются и не краснеют плохие люди. Остановись и посмотри на него. Он совершенно точно хороший человек.

Ладно, согласен, война – это плохо. Но сегодня девятое

мая. День Великой Победы. А это значит, что семьдесят лет назад твой прадед дошёл до Берлина. Отправься туда и скажи своему прадеду, который прошёл всю войну. Скажи ему так:

– Да, да, это всё, конечно, круто. Ты в Берлине и всё такое. Но, чувак, давай-ка ты не будешь радоваться, праздновать. Люди же погибли. Я считаю, что сейчас самое время скорбеть о них. День рождения свой праздновать будешь, а не вот это вот всё.

Давай, с твоего позволения, мы поскорбим двадцать второго. Сегодня позволь отпраздновать. Я согласен, возможно, весь этот парад слегка агрессивный, не очень современный, наверное. И всё же надо ведь как-то отметить, они бы хотели этого. Победы нужно праздновать, я это точно знаю. Знаю, потому что бедность – черта характера. Бедняки редко побеждают, а когда редко – тогда совсем по-другому. Каждый раз я праздную свои успехи с особым рвением, только вот не помню, когда это было в последний раз.

* * *

На патриаршем фронте без перемен. До этих помпезных домов не доносится скрежет танков. Бронзовые интеллигентные женщины кладут в рот поджаристый хлеб, накрытый авокадо, яйцом пашот и красной рыбой. Это невозможно сделать красиво, но у них как-то получается. Дохожу до

«Пинча». Я всегда хожу в один и тот же бар, потому что хорошо, когда тебе наливает Жорик.

Он всегда знает, что мне налить, поэтому можно не проговаривать. Почему-то это впечатляет людей за баром по соседству, женщин особенно. Думаю, это такая рыбацкая стратегия. Заходишь, здороваешься с Жориком, и он без слов готовит твой сбалансированный виски сауэр. Было бы круче, если б он наливал чистый вискарь, но я не настолько хорош.

А вот этот мужичок, только закатившийся в бар, хорош в нужной степени. Лысый, низкий, бодрый. Поживший, но не пожилой, даже время наебавший. Жорик обычно без вопросов наливает ему что-то карамельного цвета с кусочком льда. Если этого мужичка сбросить с третьего этажа, он отпружинит и приземлится на четвёртом. Изворотливый тип.

Сейчас он безжалостно разглядывает девушку, которая всего лишь хотела попить кофе. Мужики делятся на рыбаков и охотников, а этого я бы назвал браконьером. Комариными глазами он сосёт из неё жизнь. Он говорит:

– По бокальчику красного?

Бедная девушка. Слишком милая и добрая, она зачем-то потрудилась найти вежливый ответ:

– Извините, но я не пью днём.

– Жорик, родной! Мне два бокальчика красного! Вискарик оставим на вечер.

Лысый попрыгунчик бросает свою жопу на стул за её столиком. Он почему-то не отскакивает. Анимации в жизни

недостаёт. Я бы с радостью посмотрел, как он влетает в потолок, застрекает и смешно так болтает короткими ножками. Но почему-то этого не происходит, почему-то он считает уместным сказать:

– Ты не пьёшь днём, дорогая, а я не пью один.

Просто подай мне знак, и я приду тебя спасать, девушка. Мужчины делятся на рыбаков, охотников и браконьеров. А я давай побуду твоим гринписовцем, который наконец-то делает что-то полезное. В общем, я тут, если что – подмигни, подай знак. Мне пока придётся отвлечься, потому что в бар зашла Соня, но я буду поглядывать на тебя время от времени.

Соня утром мне писала, в самый разгар моего кухонного скандала с Геной. Она всячески расхваливала меня, и я на время решил оставить свои разборки. Правда, расхваливала она очень витиевато. Писала так же, как Гена отвечал мне в той вымышленной ситуации, потому что Соня тоже писательница. Это значит только одно: сообщение о том, как хорошо я пишу, становится сообщением о том, что она тоже хорошо пишет. Ничего у нас с Соней не выйдет. С живыми писателями дружить не могу. С живыми писателями – только скандалить на кухне.

Я уже стал немного разбираться в фейсбуке. Зашёл к ней на страничку – тысяча триста друзей. Люди, у которых больше тысячи друзей, чаще всего довольно успешные, поэтому предложил встретиться на Патриках, как и полагается

успешным людям.

Теперь Соня с ходу лезет обнимать меня. Вот так сразу. Это такая привычка успешных людей: делать вид, что это нормально – обнимать незнакомцев. У нас с ней ничего не выйдет. И дружбы тоже не выйдет. Ладно. Меня обняла женщина – это всегда приятно. Тем более что сейчас она сравнивает меня с Довлатовым.

Это, кстати, он сказал, что бедность – черта характера, и я решил разобраться с этим поосновательнее. Довлатов мне нравится. Есть такая армянская привычка: накидывать пару баллов, если мама – армянка, ещё два – если папа тоже. Довлатов по этой схеме набирает два балла из четырёх, а остальное он набирает сам. Это должно быть приятно, когда тебя сравнивают с Довлатовым, но мне немного неловко, поэтому надо бы сменить тему.

– Котиков любишь?

– Что?

– Котиков.

– Не особо. Я больше собак.

– Мы с Жориком любим котиков. Познакомься, кстати.

Это Жорик.

Хорошо, что она не полезла к нему обниматься через бар. Мило улыбнулась и пожала руку. Успешные люди умеют знакомиться.

– Я вообще постоянно путешествую, поэтому не могу себе позволить завести пи... Саргис?

– А?

– Что там? Девушка нравится?

– Нет. Ну то есть не знаю. Я просто слежу, чтобы помочь ей в случае чего.

– Думаешь, взрослая девушка не в состоянии за себя постоять?

– В схватке с браконьером?

– Что?

– Этот тип, я решил, что он браконьер.

– Господи, ты что – из этих?

– Из которых?

– Которые рыбаки, охотники и вот это вот всё.

– Нет, я из гринписовских.

– Вообще не понимаю, о чём ты говоришь.

– Короче, я думаю, она может сама за себя постоять. Но это же приятно, когда кто-то тебя защищает? Мне приятно, когда кто-то хочет меня защитить. Понимаешь?

Вряд ли, конечно, понимаешь. Тебе же ничего не стоит обнять незнакомого человека. Твой телефон не прекращая вибрирует, оповещает тебя, напоминает о том, какая ты успешная девушка. Вряд ли ты понимаешь.

– Наверно. Слушай, я вообще ненадол...

– У тебя есть парень?

– Господи, ты чего такой странный?

– Ладно, извини.

– Нет, у меня нет парня. Короче, у меня для тебя есть сюр-

приз.

– Это я странный? Ты с сюрпризом на первое свсвстречу пришла.

– Нет, это не свсвидание.

– Я успел заменить слово.

– В общем, дружок, смотри.

– Дружок?

Соня достаёт телефон, показывает переписку с какой-то женщиной.

– Кто это?

– Главный редактор журнала «Космополитен».

Вот так сюрприз. Там главный редактор «Космополитена» пишет о том, что сегодня день победы. Не тот, который с Гитлером. Другой, который с Саргисом. Главный редактор «Космополитена» пишет так: «Пускай напишет мне, я ему выделю колонку, а не захочет – пускай соберёт книгу, я отправлю в издательства».

– «Космополитен», который про женщин?

– Ага.

Есть такая тема – тема женщин. Её любят взять и положить на отдельную полку. Полка, на которую даже пыль не садится. На ней в одиночестве лежат женщины и скучающе глядят по сторонам. Там другие полки – захламлённые, уютные, хаотичные. Так делает Гена и так делают все в журнале «Космополитен».

И всё же это мой день победы. К тому же тот попрыгунчик

остался ни с чем. Тоже победа. Победу нужно праздновать, я это точно знаю, у меня ведь черта характера. О ней ещё Довлатов писал, с которым сегодня меня сравнивала Соня.

Допиваю, киваю Жорику, он наливает ещё. Я немного забылся. Тут вообще-то Соня сидит, ждёт чего-то. Надо сказать, справедливо ждёт. Она же видит, как я выгляжу, и наверняка знает, что там, где моя родина, мужчины ведут себя эмоционально. Руками машут, целуют друг друга в шею. А я не могу так. Может, потому что я никогда не жил там, где моя родина. Может, ещё по какой причине. Надо попробовать.

– Спасибо большое!

Господи, как же фальшиво вышло. У меня серьёзные проблемы с восклицательными знаками. И Соня, конечно, это заметила. Надо бы ещё разок.

– Я обязательно ей напишу!

Ещё хуже. Ладно, конечно, я ей благодарен. Но давайте не будем делать вид, что мы не понимаем, как это всё работает. Соня же прямо сейчас жестом даёт Жорику понять, чтобы он её посчитал отдельно. Действительно успешный человек.

Я ведь не первый день на Патриарших, кое-что знаю уже про этих замечательных людей. Например, я знаю, что успешные любят создавать вокруг себя успешную жизнь. Любят успешных людей вокруг наблюдать. Но, кажется, больше всего они любят взять человека, так по-отечески взять, взять и отправить его в нужном направлении.

Давайте так. Мы же понимаем, как это всё устроено. Сей-

час Соня пишет главному редактору «Космополитена», шлёт ей мои рассказы. Завтра, когда я стану популярнее, чем Гена. Ладно, не завтра. Ладно – не когда, а если. В общем, если вдруг такое произойдёт, Соня в кругу своих успешных друзей дождётся момента. Она обязательно дождётся, когда подруги начнут обсуждать меня. Тогда Соня задумчиво сделает глоток из своего бокала с чем-то и кое-что им невзначай расскажет. Она полностью окупит те две минуты, которые потратила на то, чтобы написать главному редактору «Космополитена». Конечно, я ей благодарен, но давайте не будем делать вид.

– Напишу ей.

– Ну так ты напишешь ей?

– Сейчас?

Эти успешные люди совсем не понимают, что у них есть черта характера, которой нет у меня. Дело вот в чём. Не так давно я написал свой первый рассказ. И уже сейчас главный редактор журнала «Космополитен» предлагает мне вести свою колонку в журнале про женщин. Так не бывает. Не со мной. Я не спешу ей писать, потому что понимаю, чем это всё может кончиться.

Например, может случиться так, что я больше не смогу сидеть на своей засранной кухне, жаловаться на свою любимую черту характера. И я не смогу скандалить с Геной, сидя в трусах на своей засранной кухне. К Гене, кажется, я привязался, не хотелось бы рушить наши отношения. А Соня ни-

как не может понять, она всё давит, давит, она говорит:

– Ну а когда? Такие люди не очень любят ждать. Когда ты ей напишешь?

Хотя бы через четыре года, когда я пройду всю войну. Вот это я понимаю день победы, а это что? Как мне это праздновать вообще? Кажется, меня взяли силком, толкают куда-то, где находится это таинственное нужное направление. Придётся подчиниться.

Достаю телефон. Пишу: «Привет». Удаляю. Пишу: «Здравствуй». Удаляю. Пишу: «Здравствуй, я Саргис, Соня сказала написать вам». Отправляю.

– Ну всё, написал. Теперь отметим?

– Извини, дружок, мне нужно бежать. У меня ещё две встречи сегодня.

Дружок, блядь. Она явно ждала более бурной реакции. Прости, Соня. Конечно же, я тебе благодарен. Просто тут дело такое... Давай просто подождём, и потом ты сама всё поймёшь.

* * *

Главный редактор журнала «Космополитен» сказала, чтобы я подумал и предложил ей какую-нибудь тему для колонки. Я подумал и написал про своих пацанов на кухне.

Это было раньше, до того, как я отправился на Патрики шпионить за этими замечательными людьми. Тогда мы со-

бирались на чьей-нибудь кухне и пили напитки с красивыми названиями. Там мы делились сокровенным. Обсуждали всякое, в том числе и женщин. За этим захламлённым липким столом в тесной накуренной кухне никто не откладывал тему женщин на отдельную полку. Потому что нормальные пацаны так не делают. Нормальные пацаны обсуждают женщин вперемешку с остальными темами.

Написал историю об одном из таких вечеров. Предложил главному редактору журнала «Космополитен» выделить колонку, в которой раз в неделю мои пацаны будут собираться и обсуждать всякое, в том числе и женщин.

Она сказала написать для начала статью о пяти вещах, которые меня бесят в женщинах.

Когда женщина окажется под колпаком, ничем хорошим это не кончится.

Пять вещей, которые меня бесят в женщинах. Как вообще такое писать? Это как поделить мужиков на рыбаков и охотников. Звучит поначалу занятно, конечно, только вот позже найдутся браконьеры, позже найдутся гринписовцы. Походишь по Патрикам подольше – и остальных найдёшь. А потом вообще окажется, что в такой системе координат женщина – жертва, которую нужно сожрать. Не хотелось бы мне этим заниматься. Любой работник студии Лебедева вам скажет, что так делают исключительно мудаки.

«Вы хотите, чтобы я написал что-то вроде того, что пишет Гена?» – «Гена, честно говоря, как мудака пишет».

Видимо, я чего-то не понимаю. Ладно, надо попробовать.

Пять вещей, которые меня бесят в женщинах

1. *Сочувствующий взгляд.*

Странновато выглядит. Нет же ничего плохого в том, что кто-то тебе сочувствует. И в том, что тебя кто-то хочет защитить, совсем нет ничего плохого. Это даже приятно бывает. Только вот вчера не было.

Вчера коричневая девушка с пухлыми губами посмотрела на меня, как на карликового йорка, обоссавшего паркет со страха, с умилением и сочувствием посмотрела. И не было ничего человеческого в том сочувствующем взгляде. Она ведь даже не заметила, насколько мужику было тесно в своей расписной рубашке, тесно в баре для интеллигентных людей. Она даже не заметила, что это заметил я. Потому, наверное, и посмотрела так. Пускай будет.

Пять вещей, которые меня бесят в женщинах

1. *Сочувствующий взгляд.*

Не знаю. Ничего меня не бесит в женщинах. Я бы даже осмелился сказать, что люблю женщин. Вряд ли, конечно, я их тонко понимаю и по-особому чувствую, и всё же люблю

настолько, чтобы не выдирать их из жизни и засовывать под микроскоп.

Нужно ещё четыре пункта. Почему, кстати, именно пять? Ладно, попробую наскрести. Раз уж Соня меня взяла и отправила в нужном направлении, нельзя сопротивляться. Сам я это направление с трудом отыщу. Характер у меня такой.

«Можно мне один день на поиски?» – «Да, только не затягивай».

Такие люди не любят ждать. Завтра же отправлюсь на Патрики и буду знакомиться с женщинами, пока они чудесным образом не взбесят меня ещё четыре раза.

Женщины

Получается, сегодня мой первый рабочий день. Получается, не полагается пить, до вечера по меньшей мере. И вообще, рабочие люди выезжают пораньше. Встаю по будильнику из-за стены, встаю под грохот мусоропровода в десять утра, быстро в душ – и выезжаю. Целых четыре пункта надо заполнить. Работы полно.

Вчера тучи разогнали. Сделали это с присущим местным властям энтузиазмом. Когда речь заходит о том, чтобы что-то разогнать, власти берутся с завидной ответственностью – и теперь над Москвою солнышко. Просто надо понимать: разгоняют, чтобы граждане увидели свет.

А я что? У меня с этим нет никаких проблем. Я каждым корнем восхожу к земле, где солнышко светит триста дней в году. Поэтому доволен. Немного странно, конечно, для мая, но жаловаться точно не буду. Даже кофе закажу горячий, потому что хочется хорошенько пропотеть. Позже, когда моё тело покроется тонким слоем влаги, подует ветер. Это будет стоить того.

Некоторые московские тратят жизнь на поиск идеального климата. Они говорят, что им тут некомфортно, что тут, в Москве, слишком холодно. И вообще, им не подходит этот ритм. Они говорят, что однажды свалят на Бали, устроятся там барменами и никогда больше не будут мёрзнуть. Потом в

горячий июльский полдень они жалуются, что трусы липнут к жопе.

Я бы написал это первым пунктом в списке вещей, которые меня бесят в Москве. Даже запишу на будущее.

Пять вещей, которые меня бесят в Москве

1. Жалобы на мокрые трусы.

А будь список вещей, которые я в Москве люблю, он бы точно начинался с женщин. Первый, второй, третий, четвёртый пункты – женщины. А пятый, конечно, закаты. В Москве самые красивые закаты, и ни в один из них не хочется уезжать. Сегодня наверняка будет какой-нибудь розовый, но увы – прежде чем я смогу на него посмотреть, мне полагается заполнить список. И называется он совсем иначе.

Пять вещей, которые меня бесят в женщинах

Даже название раздражает. Потому что говорит о том, как сегодня я должен себя вести. Провоцировать, докапываться. Искать то, чего нет. Ладно. Я ведь профессионалом хочу зваться. Надо вести себя соответствующе, уметь решать любые задачи, поэтому сейчас я захожу в «Нюд» – ресторан для травоядных людей.

Это я не про тех, кто мясо не любит. Скорее про тех, кто

любит пожевать траву. Безобидные ребята, другими словами. Определить ресторан для травоядных людей просто: он всегда похож на туалет в творческой коммуне Джахи и Никиты. Художественно развешенные деревяшки, какие-то трубы торчат. И в этом тесном закутке травоядные люди занимаются своими безобидными делами. Жуют еду и переваривают свои безобидные убеждения. И конфликтов тут не бывает, они же тут все на одной волне. Всем здесь известно, что праздновать День Победы – это невиданный позор.

Я сюда пришёл не поэтому. Просто тут больше всего женщин на Патриарших. Парней мало, а те, что есть, держат сигареты, как бабушки, гулявшие по юности с Бродским. Я тут штыком торчу, опасный весь из себя на контрастном фоне, женщин разглядываю. Надеюсь, не так, как вчерашний браконьер. Надеюсь, они понимают, что любя.

Сейчас здесь полная посадка. Занимаю последнее свободное место за небольшой барной стойкой. Пью горячий американо, жду, пока взмокну. Познакомиться с девушкой в таком тесном месте несложно: не нужно быть ни охотником, ни рыбаком, нужно просто быть повнимательнее. Слушать и ждать пропущенную реплику, ту, которая твоя.

Тёплые, мягкие. Голые ноги несут её к стойке. Я ещё раз скажу спасибо властям. Спасибо, что раньше положенного я могу видеть женские ноги. Май месяц, но уже хорошо. Она подходит к бару и заказывает что-то, что называется «холодный пикало». Только на овсяном молоке. Только не в пла-

стикový стаканчик. Только в стеклянный. Можно ей позавидовать – эта девушка точно знает, чего хочет. По крайней мере, вопрос с кофе она для себя закрыла. А я пока закрываю для себя вопрос с завтраком. Почему-то могу себе позволить делать это на Патриках в ресторане для травоядных женщин.

Подношу бутерброд с курицей ко рту. Держу на весу. Держу у рта, и из него выпадают помидоры. Пытаюсь поймать. Как пёс, на лету кусаю воздух. А помидоры шлёп-шлёп в тарелку. И теперь она смотрит своим травоядным взглядом. Удивлённо смотрит, потому что на Патриках люди умеют есть красиво.

Кажется, это место для моей пропущенной реплики. Иногда реплику можно заменить действием:

Герой с набитым ртом протягивает бутерброд девушке, предлагая ей угоститься.

Как-то нервно она смеётся. Главное, смеётся – можно и поболтать. Можно и место уступить.

– Присаживайтесь.

– Нет-нет, спасибо.

– Почему «нет-нет»?

– А почему вы должны стоять, пока я сижу?

– Мама говорила мне, что так правильно.

А может, и не говорила, не помню точно. Главное, знаю:

она бы этого хотела. Хотела бы, чтоб я вёл себя как джентльмен, что бы это ни значило. Мне даже само слово «джентльмен» нравится. «Джентль» – это вроде как «вежливый» переводится, а «мен» – «человек или мужчина». Вежливый человек или мужчина. Не вижу ничего зазорного, поэтому:

– Я настаиваю.

– Я правда в состоянии постоять, как и вы. Бабушкам нужно уступать, я что, похожа на бабушку?

– Не сказал бы.

– Вот как?

– Ладно, я тогда тоже постою. Поём свою курочку стоя, если ты не против.

– Я не против.

Нравится мне эта травоядная девушка. Самое страшное, к чему могут привести её убеждения, уже случилось. Теперь она вынуждена стоять рядом с потным армянином, который сопит на уровне её лица, пока с особой жестокостью пожирает бутерброд с курицей. А ведь, если б не убеждения, он мог бы делать это не на одном уровне с её лицом. Лицо, естественно, такого не заслужило.

Она, конечно же, мне нравится, но я, вообще-то, тут на работе. Может, попробовать сжутьничать?

– А ты не против мне помочь со статьёй?

– С какой?

– Мне нужно написать пять вещей, которые меня бесят в женщинах.

– И сколько ты уже придумал?

– Неважно, ну так что подскажешь?

– Напиши про феминизм. Про феминисток напиши, они обычно мужикам не...

– Это же что-то про равные права женщин и мужчин?

– Да.

– Ну так и я феминистка, выходит.

– Это мило, конечно, но, например, тебе не стоит уступать женщине место, если ты феминист.

– Ну не, тут уже твой феминизм конфликтует с моей мамой, а маму я слушаюсь.

– Во-о-от, так и напиши про то, что уступаешь место, а она не садится.

– Да, это и правда отвратительно. Я Саргис.

– Света.

Моё тело уже вдоволь покрылось влагой, нельзя упускать момент. На улице ветвями деревья шумят. Это значит, что сейчас я выйду и ветер пройдёт по моим мокрым ногам, по мокрым рукам. Мне станет хорошо. Намного лучше, чем этим травоядным людям с холодными напитками с длинными названиями.

– Свет, я выйду покурить. Ты правда можешь сесть, я потом уйду сразу.

– Ага.

Лечу возле «Нюда». Чутка растопырил пальцы, расставил ноги. Как лыжник с трамплина, орёл. Сушусь. Мне уже хо-

рошо.

– Жарко, да, сегодня?

Это другая девушка. Пока не понимаю какая, потому что стою с закрытыми глазами. Очень романтично стою. Надеюсь, что никто этого не заметит, но раз уж заметили, чего мне таить?

– У меня даже трусы к жопе прилипли.

Приятный смех у неё. Кажется, не потяну я этот мудацкий список. Открываю глаза, а она целиком довольно приятная. Сигарету, правда, держит как-то по-мужицки. Наверное, Свете не понравился бы такой мой сексистский вывод. Света, кстати, по-прежнему не садится, что не обязательно плохо. Я там увлажнялся на стуле, пока пил горячее, и, наверное, ей было бы неприятно опустить свои голые бёдра на липкий стул. Надо что-то сказать этой девушке с сигаретой, а то не по-джентльменски как-то.

– Любишь жару?

– Жару? Не знаю даже. Скорее нет, чем да. Ты?

А Света всё не садится.

– Что там?

– А? Ничего, там просто Света.

– Та-а-ак?

– Света не садится на мой стул.

– И что? Может, ей постоять хочется.

– Вряд ли. Это вроде как убеждения. Я уступил ей место, а она не садится. Говорит, это как-то связано с феминизмом.

– Нет, это не связано с феминизмом. Она не настоящая феминистка.

– Не настоящая?

– Да. Настоящая феминистка никогда не против, чтобы ей уступили.

– Интересно, что это вообще значит?

– Ну она не разобралась в вопросе.

– Я не про то.

– А про что?

Я вот про что. Я про одну известную исламскую республику на юге этой страны. Ту, что на Кавказе. Она ещё славится тем, что перед ней принято извиняться. Так себе под-сказка, согласен.

Попробую так. Той республикой правит харизматичный рыжебородый лидер, который, если не вдумываться, вполне себе жизнерадостный человек. Видел даже однажды, как он встречает осень. Охапками бросает листья в воздух, и получается такой своеобразный личный листопадик для харизматичного лидера. Довольно милый дядя.

Так вот, этот лидер лично решает, за что и как нужно извиняться перед его республикой. Может показаться, что я подвожу к женщинам в тех краях. Тем, у которых прав, как говорят, поменьше, чем у московских. Нет, это не моя война. Я не про то.

Я вот про что. Время от времени в сети появляются ролики, где этот харизматичный лидер отчитывает группу мо-

лодых бородатых парней, которые стоят в ряд и смотрят в пол. Это особые ролики, потому что отчитывает он уроженцев своей же республики. Судя по титрам, эти парни продавали наркотики. Они делали это даже не внутри их республики. Просто лидер узнал, что где-то в другой республике уроженцы его республики занимаются вещами, которые настоятельно не рекомендуется делать в их республике.

Республика-республика-республика.

Ладно, я говорю про Чечню. Кажется, ничего плохого я не сказал, но на всякий случай извиняюсь. И ещё разок извиняюсь, на всякий случай. Извините меня, пожалуйста.

Так вот, в этих роликах лидер ходит взад-вперёд и разглядывает макушки своих уроженцев. И он говорит им много чего. Но каждую мысль он начинает с фразы: «Вы не настоящие чеченцы».

Я не против каких-либо убеждений. Но раз уж такое дело, раз уж вы объединили свои настоятельные рекомендации в некий свод правил для вашего сообщества, это ж система получается. И кто-то в ней отвечает за то, чтобы донести верный послыл. Но потом, когда система даёт сбой, они говорят так: «Это не настоящие чеченцы, настоящие чеченцы никогда...»

Когда члены их сообщества делают что-то, что выставляет это сообщество в дурном свете, они говорят: «Это не настоящая феминистка. Настоящая феминистка никогда...»

Дальше неважно. Потому что сейчас харизматичный ли-

дер стоит перед группой людей, которые стыдливо смотрят в пол. Потому что я стою и смотрю, как Света до сих пор не села на место, которое уступил ей я.

Давай-ка я это запишу.

Пять вещей, которые меня бесят в женищинах

1. *Сочувствующий взгляд.*

2. *Когда феминистка говорит про другую феминистку, что та не настоящая феминистка.*

– Извини, я просто на работе, поэтому...

– Кем работаешь?

– Пальцы сосу. Вот из одного уже всё высосал.

* * *

Сосать пальцы – весьма трудоёмкое занятие. И я потрудился на славу, поэтому считаю, что заслужил стаканчик. В «Пинч» не пойду: застряну я там с Жориком. Пойду в какое-нибудь новое место. Где-то на Малой Бронной усядусь, и ни в коем случае не за бар. Я не только с Жориком могу застрять, в целом с любым барменом могу, потому что они ведь тоже чужеродны. Они просто на работе. И я на работе, поэтому усядусь поближе к этой девушке.

Она рыжая в крапинку, в изумрудном платье. Она пьёт

апероль. В ресторане для красивых и интеллигентных людей улыбается незнакомцам. Но я знаю, что она тут бывает нечасто. Я ведь специалист по чужеродности, и если бы она была в курсе, не пыталась бы сойти за местную.

Всё довольно просто. Прямо сейчас она сжимает пальцами синюю шариковую ручку и выводит на бумажке... Кстати, очень мило сжимает, между безымянным, средним и большим, а не как полагается, между средним, указательным и большим. Получается рокерская коза вместо православного троеперстия – самый настоящий детский бунт. Так вот, прямо сейчас она сжимает синюю шариковую ручку и выводит на клочке бумажки: «Настюха».

Сомнительной каллиграфией, высунув язык в знак старательности, Настюха выводит своё имя на бумажке и выдаёт себя. Так ведь в школе делают. Или, например, в какой-нибудь «Шоколаднице». Но не здесь, не на Патриках. Здесь никто не позволит называть себя Настюхой, и уж тем более никто не станет сам себя так называть. Настюха, я ж ничего против не имею, я тут первый в списке чужеродных, да и к тому же я без ума от твоей старательности. Мне нравится, как ты выводишь каждую букровку – не прекращая, поливаешь чернилами уже готовые линии, и те растут в толщине. Только вот я очень надеюсь, что это не:

– Эскиз для татуировки?

Настюха хихикает и говорит:

– Нет. Это я просто.

Это она просто. Ну хорошо, что просто. Я не ханжа, но мне не хотелось бы пачкать эту кожу в крапинку. Знаю, это не моя кожа. Её тело – её дело, я знаю. Но, рыжая Настюха в крапинку, ты видишься мне живой, потому как язык высовываешь. А татуху набьёшь – перестанешь провожать языком свою ручку по протоптанным путям. И всё уйдёт. И всё твоё детское жизнелюбие в никуда.

Меня ждёт очередной провал, я знаю. Что ж, пальцы обсоху, что мне ещё остаётся. Кажется, это теперь моя работа, раз уж я взялся писать в журнал для женщин.

– Я просто такой человек, который любит рисовать.

– Ты такой человек, который художница?

– Нет, просто люблю рисовать.

– Я не люблю рисовать.

– Почему?

– Такой человек.

– Жарко, да, сегодня?

– Да. Любишь жару?

– Ну, я люблю погреться на солнышке. Но прям жару не очень. Я такой человек, которому становится плохо в жару.

Настюха такой человек, который любит лежать на травке в парке, который любит купаться в речке, любит посидеть у костра с ребятами. Я всё это совсем не люблю, поэтому у нас ничего не выйдет. Но зато, может, что-то выйдет с моей статьёй для женского журнала. Кажется, я уже вижу, за что зацепиться.

– Что ты ещё любишь?

– Люблю стрелять из пистолета.

Ладно. Не такой уж я и тонкий психолог. С травкой, речкой и костром я облажался, признаю.

– Ещё люблю в парке гулять, на речке купаться и очень люблю у костра посидеть.

Какой-никакой, но психолог. Недостаточно тонкий, но всё же. История со стрельбой из пистолета стала для меня сюрпризом. Вообще, в последнее время сюрпризов в моей жизни поприбавилось.

– Что значит, любишь стрелять из пистолета?

– Ну знаешь, я такой человек, которому нужно иногда выпустить пар.

– У тебя есть ствол?

– А у тебя?

Ничего себе Настюху лихорадит. Она напоминает мне плохо прописанного персонажа. Наверное, это связано с её задором, с детским каким-то энтузиазмом. Она берётся за всё, чего ей в этот момент захотелось, – люблю это в женщинах.

У нас ведь теперь мотивация из ушей течёт, а это значит, что некогда. Всё – некогда. Некогда люди жили на тридцать лет меньше нашего, а нам и этих десятилетий не хватит, чтоб всё израсходовать. Всё, что затекло в уши, всё это больное дерьмо, оно говорит: «Займись делом, не отвлекайся». Дальше либо ты действительно занимаешься делом, либо отвле-

каешься, но обязательно с чувством стыда. А вот Настюха, кажется, не такая – люблю это в женщинах.

Интересно, как Гена бы определил такую девушку. Как бы он собрал всё, что в ней, в какой-то тип. Сколько есть типов женщин, Гена? Скажите мне, журнал для женщин, как мне засунуть Настюху под колпак, чтобы вам было что публиковать?

Вот этими пальцами, которыми она сжимает ручку, чтобы написать своё имя на бумажке, – этими же пальцами Настюха давит на курок. Сразу после этого она идёт греться на солнышке, а потом приезжает на Патрики и спрашивает про мой ствол. Переходит в агрессивный флирт. И что я должен на это ответить?

– У меня нет ствола?

Настюха смеётся звонко, как и полагается смеяться девушке, которая выводит имя на бумажке.

– Ну так ты в тир ходишь или что?

– У меня отец военный. Я такой человек, который стреляет с детства. Но если честно...

Ладно, пора бы уже брать этот палец в рот.

– ...если честно, лучше бы отца застрелили в Афганистане.

Нет, ещё чуть-чуть пообщаюсь, а потом возьму.

– Ты так говоришь, потому что ручку так держишь.

– Что?

– Ну по-детски, неправильно держишь ручку. Между

средним, безымянным и большим.

– И как это связано?

– Не знаю, но как-то точно связано. В общем, мне жаль насчёт отца.

– Что его не застрелили?

– Нет. Я такой человек, который старается не лезть в чужие дела. Это не моя война.

– А какая война твоя?

Моя война кончилась, когда мы переехали на «Фрунзенскую». Сейчас на руинах пытаюсь что-то построить. Даже с деньгами бедняку не полагается упускать возможности. Меня же великодушно взяли, взяли и отправили в нужном направлении, которое самому мне никак не найти. Потому я сейчас и занимаюсь этой хернёй.

Мог бы со Светой посидеть, могу и с Настюхой остаться вполне, это ведь женщины. И всё же я на работе, поэтому давай так.

Допустим, меня бесит, когда женщина, похожая на плохо прописанного персонажа, говорит, что она такой человек, который. Я даже объяснить могу. Настюха, ты ведь потакаешь Гене и ему подобным. Ты, Настюха, даёшь этим ужасным людям из журнала для женщин право делить вас на типы. Получается, ты уже за них это сделала, и результат таков: есть несколько типов женщин, и я отношусь к таким женщинам, которые. Я знаю, там работают талантливые люди наподобие Гены, они легко смогут вместить всё, что в тебе, и всё,

что ты, в ёмкое предложение, которое влезет в одну строку. Я вот не могу так, но теперь это моя работа.

Пять вещей, которые меня бесят в жёнщинах

1. *Сочувствующий взгляд.*
2. *Когда феминистка говорит про другую феминистку, что та не настоящая феминистка.*
3. *Когда жёнщина говорит, что она такой человек, который.*

Ебать у меня, конечно, претензий набралось. Вот это я рыцарь. Ладно, дело за малым, осталось каких-то два пункта.

* * *

Жорика в «Пинче» не оказалось, зато бухло всё на месте. Нужно немало фантазии, чтобы такой список заполнить, а я где-то слышал, что алкоголь стимулирует, поэтому всё ради работы, всё ради профессионализма, всё, что теперь во мне, – это всё ради журнала для жёнщин. В «Пинче» задерживаться не буду, без Жорика как-то пусто.

Захожу в «Бикс» – бар, где играет джаз в исполнении живых музыкантов. Я как-то решил, что люблю старый рок, а по джазу решил, что просто с уважением. Здесь спектакль похлеще, чем в «Пинче». Это важно, когда ищешь, до чего

докопаться. В любом баре на Патриарших полагается вести себя как современный интеллигентный человек, а в «Биксе» есть дополнительное условие: необходимо делать вид, что ты с ума сходишь от джаза.

Люди стоят тут, щёлкают пальцами невпопад, нюхают сигары. Стоят тут в шляпах и ножками топают. И я тут стою, покачиваюсь в ритме, который здесь не услышать. Намного медленнее – влево-вправо, намного меньше чувственности, чем полагается, когда ты с ума сходишь от джаза. Зато больше алкоголя во мне. А когда больше, можно не ждать своих пропущенных реплик, поэтому со стаканом сразу к туалету.

– Рассказать, как я впервые обосрался?

В очереди у туалета люди больше расположены к беседе. Они понимают, что, несмотря на их щелчки пальцами и даже несмотря на шляпы, всем им хочется срать и ссать. Эти замечательные люди предпочитают не думать о том, что происходит за дверцей, поэтому занимают себя разговорами с незнакомцами. И поэтому он говорит:

– Давай!

Это говорит мужик в чёрной шляпе, которого под руку держит женщина с джазово-красными губами. Они встали за мной в очередь из пяти человек. Я хоть и пьян, но понимаю, что не по-джентльменски заводить разговор, начиная с неё. Она же нежно прижимается к нему. Вот это любовь. Клянусь быть с тобой в болезни и здравии, в богатстве и бедности и, конечно же, возле толчка. Опять докапываюсь, но просто

вряд ли эта парочка настолько синхронизировалась, что теперь их кишечники решили всё делать вместе. Скорее всего, им просто не хочется оставлять друг друга ни на минуту. Вот это я понимаю – любовь.

И всё же моё предложение они встречают с разным энтузиазмом. Мужика, естественно, я заинтриговал, а вот женщина пихает его в бок. Поэтому он говорит:

– Давай в другой раз, а то я с девушкой.

Нет, я собираюсь рассказать это сейчас. Я, вообще-то, на работе. Надо просто отвлечь их внимание, можно даже ещё разок сжульничать.

– Вы давно вместе?

– Два года.

– Слушайте, тут такое дело, я журналист. Пишу в известный журнал для женщин. Гис Гукасян меня зовут, можете потом погуглить. Так вот, мне сейчас нужно написать две статьи. Пять вещей, которые бесят мужчин в женщинах, и пять вещей, которые бесят женщин в мужчинах. Тебя вот что бесит в...

– Антон.

– Очень приятно. Что тебя бесит в Антоне...

– Катя.

– Очень приятно. Ну так что там? Трусы разбросанные, носки вонючие или там цветы не дарит?

– Меня всё устраивает.

– Да? Даже эта шляпа?

Антон смеётся, хлопает меня по плечу. Отличный мужик. А вот Катя берётся его защищать. Это приятно, когда кто-то хочет тебя защитить.

– А что не так с его шляпой?

– Ничего, просто...

– А почему ты так говоришь?

– Извини, я просто завидую, что у меня такой нет. Ну а тебя, Антон, что-то в Кате бесит?

– Да ничего не бесит. Всё устраивает.

– А почему вы не женаты? Вы же не женаты?

Кажется, для Кати я уже самый настоящий злодей. Зря она так напрягается, мне ведь нравится их пара. Отличный мужик, приятная женщина, прижимаются друг к другу у толчка, рановато она напрягается. Перед нами в очереди ещё человека четыре.

– Слушай, Кать, расслабься. Я просто парень у толчка. Может, сейчас, благодаря моей бестактности и пьянству, вы всё обсудите и решите пожениться. Потом на серебряной свадьбе будете вспоминать историю, как к вам какой-то хач у толчка доебался.

Я говорю именно так, чтобы она расслабилась. Она даже почти смеётся, но сдерживается, потому что так нельзя при девушках. Нельзя материться при даме. Антон же вообще не сдерживается, ржёт слегка истерично.

– Ну раз Катя почти посмеялась, я предлагаю рассказать другую историю, как я впервые понял, что принципы – это

херня. Катя, не против? Антон?

– Ну, я бы лучше послушал первую историю. Интригующее название.

– Антон!

– Не при девушках?

Катя недовольно отворачивается, но всё ещё прижата, всё ещё рука висит на его локте. Вот это я понимаю – любовь.

– Ладно, согласен, расскажу историю про то, как я впервые понял, что принципы – это херня. Короче, вы же в России в школу ходили? Поднимите руки те, кто ходил в школу в России!

Я работаю с публикой, когда пьян. Теперь я знаю, что все эти люди учились в таких же школах, как я. Мне нужно было убедиться в этом, потому что я никак не могу представить, чтобы кто-то из моих одноклассников надел шляпу или, скажем, стоял и нюхал сигару в баре, где исполняют джаз.

– У меня в школе были эти туалеты. Ну знаете, в которых нет секретов. Просто перегородки между кабинками, а дверей спереди нет. Как будто срущему человеку намного страшнее, если его увидит срущий человек сбоку, а не спереди.

Три парня в очереди тут же замолкают и оборачиваются к нам. Я владею этой публикой.

– Так вот, я иногда любил просто выйти с урока в туалет. Я даже не хотел ничего, просто пройти хотелось. Но чисто чтоб не быть конченным пиз...

Катя успевает посмотреть на меня с осуждением. Ладно.

– Прости, не при девушках. Так вот, чтоб не быть конечным врунишкой, я доходил до туалета, смывал там просто и возвращался. И вот как-то раз, когда мне было девять, зашёл в туалет. А там сидит этот Артём Топильский. Ну знаете, такой лопухий, волосы набок, с вечно оху... с вечно невдупляющим взглядом. Вы же в России в школу ходили, понимаете, о ком я. Так вот, Артём Топильский сидит там и срёт. Ногами встал на толчок, потому что, естественно, там ободков не было. Стоит на кортанах на толчке, как кролик на опушке. Было даже ощущение, что он ухом дёргает.

Кто-то из очереди нехотя заходит в кабинку. Парни любят такие истории. Перед нами ещё двое, надо поторапливаться.

– Так вот, смотрю я на него и как-то, знаете, ну типа не могу оторваться. Смотрю ему в глаза, как кобра на индуса. И он зачем-то смотрит на меня своим невдупляющим взглядом. Потом он немного его отводит, слегка приподнимается, и в толчке булькает. Ну и я ушёл. Вернулся в класс и решил, что никогда в жизни я не буду срать в школьном туалете. Это типа мой первый принцип по жизни был. Я же говорил, Катя, это история про принципы. Но это ещё не всё.

Катя смотрит на Антона, на отличного мужика Антона, который смеётся. Она смотрит на него и мысленно пишет статью: «Двадцать пять вещей, которые меня бесят в мужчинах». «Пятьдесят вещей, которые меня раздражают в Антоне». И всё же держит под руку. Всё же прижимается, на слу-

чай, если придётся его защитить. Приятная женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.